

Санкт-Петербургский государственный университет

ШВЕДОВА Елена Евгеньевна

Выпускная квалификационная работа

**Каузативно-инхоативные пары в арамейских языках:
типология и диахрония**

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа ВМ.5624. «Теория и история
языка и языки народов Европы»

Научный руководитель:
доцент, Кафедра общего
языкознания имени Л. А.
Вербицкой,
Сай Сергей Сергеевич
Рецензент:
научный сотрудник,
ФГБУН
Институт
языкознания РАН,
Дьячков Вадим Викторович

Санкт-Петербург
2022

Оглавление

Введение.....	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
1.1. Каузативно-инхоативная пара: общее представление	7
1.2. Предшествующие исследования	8
1.2.1. Типологические описания	9
1.2.2. Попытки объяснения наблюдаемых распределений	11
1.3. Типология морфологических средств выражения каузативно-инхоативных оппозиций.....	12
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	14
2.1. Языковой материал	14
2.2. Методология	17
2.3. Морфологические средства кодирования актантных дериваций в арамейских языках	18
2.4. Типы соотношения каузативно-инхоативных глаголов в арамейских языках	21
2.5. Описание собранного материала.....	22
2.5.1. Имперский арамейский.....	23
2.5.2. Классический сирийский	26
2.5.3. Классический мандейский	30
2.5.4. Христианский палестинский	32
2.5.5. Христианский урмийский	35
2.5.6. Туройо.....	39
2.5.7. Новомандейский	42
2.5.8. Язык Маалулы.....	45
2.6. Анализ данных	48

2.6.1.	Диахронические изменения.....	48
2.6.2.	Генеалогическая классификация	50
2.6.3.	Ареальные факторы.....	51
2.6.4.	Влияние семантики ситуации на тип кодирования оппозиции	54
	Заключение	58
	Список сокращений	60
	Список литературы	61
	Приложение 1	68
	Приложение 2	69
	Приложение 3	77

Введение

Организация каузативно-инхоативных глагольных пар в языках мира — это одна из проблем, в настоящее время активно изучающихся лингвистической типологией. Наше исследование посвящено таким парам в арамейских языках и носит типологическо-диахронический характер, так как привлекаются идиомы разных периодов.

Глаголы, образующие каузативно-инхоативные пары, связаны отношением семантической деривации. Инхоативный член пары обозначает спонтанное возникновение какого-либо состояния ('закипеть', 'утонуть') или процесс ('катиться'). Каузативный член пары обозначает ту же ситуацию, но возникающую под воздействием некоторого агенса или внешней силы ('вскипятить', 'утопить', 'катить'). Изучение таких глаголов интересно, в частности, потому, что существует богатый типологический инвентарь выражения этих значений. Для сравнения организации каузативно-инхоативных пар в разных арамейских языках мы будем пользоваться типологией морфологических средств кодирования каузативных оппозиций, впервые предложенной В. П. Недялковым. К числу таких средств относятся: маркирование специальным показателем либо каузативного, либо инхоативного члена пары (каузатив и декаузатив, соответственно), эквиполентность, т. е. маркирование каждого из членов пары, супплетивизм и, наконец, лабильность, т. е. способность глагола выступать как в переходном, так и в непереходном употреблении без изменения морфологической формы.

В арамейских языках в целом представлены все перечисленные способы маркирования. Однако их распределение сильно варьирует в зависимости от идиома. Например, каузативный маркер имеет долгую историю в арамейских языках. И в древних, и в современных арамейских идиомах такой тип маркирования является одним из наиболее распространенных, продуктивных и устойчивых. Морфологическое выражение понижающей деривации (декаузатива), наоборот, было утрачено в большинстве современных идиомов.

Целью настоящего исследования стала систематизация данных о формальном устройстве каузативно-инхоативных пар в арамейских языках. Для ее достижения была выделена **основная задача**: диахроническое описание организации каузативно-инхоативных пар в разных арамейских идиомах. Также мы поставили перед собой несколько **дополнительных задач**:

- 1) проследить направления диахронических изменений;
- 2) выявить, какие факторы влияют на выбор способа маркирования;
- 3) определить, связан ли в арамейских языках способ маркирования с положением ситуации на шкале самопроизвольности из [Haspelmath 1993].

Объектом исследования стали корпуса текстов на разных арамейских языках. Для обеспечения репрезентативности выборки в нее были включены представители всех основных ветвей арамейских языков, учитывая классификации, построенные и по хронологическо-географическому, и по генеалогическому признакам. Исследовались следующие идиомы: имперский арамейский (староарамейские западные), классический сирийский, классический мандейский (среднеарамейские восточные), христианский палестинский (среднеарамейские зап.), туройо, урмийский, новомандейский (новоарамейские вост.), язык Маалулы (новоарамейские зап.).

В качестве **предмета** изучения выступила 31 пара глаголов, отобранных Мартином Хаспельматом в одном из его исследований данной проблемы [Haspelmath 1993]. Соответственно, основной использовавшийся нами **метод** — работа по анкете. Установления арамейских соответствий проводились в основном при использовании словарей, также мы обращались к корпусам, грамматикам и элицитации (для живых языков).

Данное исследование вносит определенный вклад в типологическое изучение устройства каузативно-инхоативных пар в языках мира, в чем и заключается теоретическая значимость работы. Например, до настоящего момента ни один из арамейских идиомов не был включен в выборку самого крупного проекта, посвященного этой проблематике — в составляющийся

японскими лингвистами атлас [WATR 2014]. Были известны лишь отдельные исследования по некоторым арамейским языкам, например [Göransson 2015]. С другой стороны, целостно проблема не рассматривалась и семитологами (арамейские языки в целом описаны едва ли не хуже всех семитских). Результаты нашей работы могут быть использованы при составлении истории арамейского глагола и арамейских идиомов в целом. Практическая значимость заключается в первую очередь в том, что данное исследование является частью грамматического описания живых арамейских языков, которые находятся на грани вымирания и требуют срочной документации и составления качественных грамматических описаний.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Настоящее исследование посвящено изучению особенностей такой грамматической категории глагола, как актантная деривация. Среди широкого круга явлений, связанных с преобразованиями актантной структуры глагола, мы касаемся только повышающей и понижающей актантной деривации, используя эти термины в значении, близком к изложенному в [Плунгян 2011: 203—212]. Нас интересуют изменения в интерпретации ситуации, заключающиеся в добавлении нового участника с ролью Каузатора или, наоборот, исключении из ситуации одного из актантов. Такие значения часто кодируются в языках мира словообразовательными средствами и нередко выражаются тем же показателем, что и категория залога. Тем не менее, мы постараемся разделять прагматические и семантические преобразования структуры глагола (нас интересуют последние), даже когда за их передачу отвечает одно и то же средство (например, пассивно-декаузативный маркер).

1.1. Каузативно-инхоативная пара: общее представление

Термин «каузативно-инхоативные глагольные пары» традиционно (см. историю изучения ниже) используется для обозначения глаголов, значения которых связаны друг с другом отношением такой семантической деривации, как в примере (1).

(1) а. *Палка сломалась.*

б. *Мальчик сломал палку.*

Согласно [Haspelmath 1993: 90], оба глагола описывают одну и ту же базовую ситуацию — обычно вхождение в состояние, реже процесс. Инхоативный глагол выражает ее спонтанное возникновение: например, ‘загореться’, ‘сломаться’, ‘умереть’. Семантика каузативного коррелята подразумевает, что ситуация возникает под внешним воздействием: ‘зажечь’, ‘сломать’, ‘убить’.

В первом приближении отметим, что для определения каузативно-инхоативных пар важна как акциональная характеристика глагола, так и его

аргументная структура. **Инхоативные глаголы** в данном случае — это обычно **одноместные пациентивные** предикаты, как в примерах (2)—(3).

(2) *Дверь открылась.*

(3) *The store window shattered.* [Levin 2015: 11]

Аргументная структура **каузативного члена пары** включает помимо Пациенса (который совпадает с единственным участником инхоативного глагола), участника с ролью **Агенса** или **Эффектора**:

(4) а. *Мальчик открыл дверь*

б. *Порыв ветра открыл дверь.*

(5) *The looters shattered the store window.* [Levin 2015: 11]

Кроме того, при изучении каузативно-инхоативных оппозиций обычно учитывается такая характеристика глагола, как тип каузации, и рассматривается только **контактная каузация**.

Далее мы кратко обсудим историю изучения каузативно-инхоативных противопоставлений с целью уточнить определение этого термина и яснее сформулировать, почему это языковое явление требует отдельного исследования.

1.2. Предшествующие исследования

Явлению актантной деривации в целом и каузативам в частности посвящен огромный пласт лингвистической литературы, включая, например, такие классические сборники, как [Холодович 1969; Comrie & Polinsky 1993; Dixon & Aikhenvald 2000; Shibatani 2002]. В рамках данного исследования у нас нет возможности подробно останавливаться на обсуждении всего набора тем, связанных с (де)каузативом, мы ограничимся лишь каузативно-инхоативными парами. В литературе, схожей с нашим исследованием по проблематике, помимо термина *causative/inchoative alternation* [Borer 1991; Haspelmath 1993; Piñón 2001; Alexiadou & Anagnostopoulou 2004; Arkadiev 2013; Göransson 2015; и др.] встречаются также наименования *causative alternation* [Levin 2015 и др.], *transitive/unaccusative alternation* [Levin &

Rappaport Hovav 1995; Haspelmath 2016; и др.], *induced/plain verbs* [Nichols et al. 2004], *causal/noncausal verbs* [Haspelmath 2014]. Полный обзор библиографии по теме представлен в [Tubino-Blanco 2020], в [Levin 2015] предлагается некоторая периодизация истории изучения «каузативных альтернатив».

Заметим, однако, что все вышеперечисленные термины могут употребляться в не совсем идентичных значениях в разных работах. Например, конкретноязыковые исследования часто проводятся по направлению от формы к семантике, тогда под «альтернативами» понимаются только соотношения двух типов употребления лабильных глаголов, например, англ. *break* или *open*. В типологических работах набор рассматриваемых предикатов обычно определяется на семантических основаниях, и изучаются различные типы морфологического оформления выбранных значений. Мы уделим основное внимание обзору типологически ориентированных работ, вдохновивших нас на проведение данного исследования, но постараемся учесть и достижения, полученные в результате альтернативных подходов.

1.2.1. Типологические описания

В короткой, но оказавшей значительное влияние на последующих исследователей статье [Недялков 1969] было замечено, что в языках мира определенные «каузативные смысловые оппозиции» тяготеют к определенному формальному выражению. Для проведения межъязыкового сравнения были выделены семь основных типов морфологического кодирования отношений в каузативных оппозициях (о них см. ниже в разделе 1.3). На материале 60 языков рассматривалось поведение четырех пар глаголов: (1) ‘смеяться/смешить’, (2) ‘кипеть/кипятить’, (3) ‘гореть/жечь’ и (4) ‘сломаться/сломать’. В результате было сделано несколько важных наблюдений: например, В. П. Недялков установил, что вероятность появления специализированной каузативной морфемы увеличивается от пары (4) к паре (1), а вероятность использования других морфологических средств

(декаузативной морфемы, лабильности или супплетивизма), увеличивается в противоположном направлении. Согласно предположению В. П. Недялкова, в основе обнаруженных тенденций должны лежать некие экстралингвистические факторы — например, степень агентивности единственного участника непереходного глагола и «степень визуальной очевидности определенного каузативного действия» [Недялков 1969: 111].

Идеи В. П. Недялкова нашли свое продолжение в первую очередь в исследованиях [Haspelmath 1993, 2014, 2016] и [Nichols et al. 2004], в которых был расширен набор изучаемых глагольных пар, что позволило прийти к новым обобщениям.

Во-первых, была предложена классификация языков по такому параметру типологического варьирования, как «базовая валентностная ориентация» (*basic valence orientation*). Две основные группы языков, выделяющиеся по этому параметру, — это, в терминах Дж. Николс и ее соавторов, «транзитивизирующие» (*transitivizing*) языки, в которых базовая лексика в основном непереходна и распространена повышающая актантная деривация, и «детранзитивизирующие» (*detransitivizing*) языки, где преобладают непроеизводные переходные глаголы и широко представлена понижающая актантная деривация.

Во-вторых, были более детально исследованы семантические характеристики глаголов, участвующих в каузативных оппозициях: согласно гипотезе М. Хаспельмата, на выбор морфологического средства влияет в первую очередь вероятность спонтанного возникновения ситуации, обозначаемой некаузативным глаголом. В [Haspelmath 2016] предполагается, что все глагольные значения можно расположить на шкале самопроизвольности, на одном полюсе которой окажутся такие ситуации, возникновение которых почти невозможно представить без участия каузатора, а на другом — ситуации, которые обычно протекают без внешнего воздействия (Рис. 1).

Рис. 1. Примеры расположения глагольных значений на шкале самопроизвольности [Haspelmath 2016: 36]

Table 1: Five types of verb meanings on the spontaneity scale: Some examples

Transitive (most spontaneous)	Unergative	Unaccusative		Agentful (least spontaneous)
		Automatic	Costly	
'cut', 'wash', 'throw', 'eat', 'hit', 'see'	'talk', 'dance', 'walk', 'play', 'work', 'scream'	'melt', 'freeze', 'dry', 'wake up', 'sink', 'go out (fire)'	'break (intr.)', 'split (intr.)', 'open (intr.)', 'close (intr.)', 'change (intr.)', 'gather (intr.)'	'be cut', 'be washed', 'be thrown', 'be eaten', 'be hit', 'be seen'

По результатам эмпирических исследований М. Хаспельмата, расположение глаголов на шкале коррелирует с распределением по типам формального кодирования каузативной оппозиции: чаще в языках мира непроизводными оказываются «базовые переходные глаголы» (например, 'резать' или 'убивать'), непереходные агентивные ('танцевать') и часть пациентивных непереходных, таких как 'таять', 'сохнуть', 'замерзнуть', а их каузативные корреляты маркируются специальным показателем. Для передачи же значений типа 'ломаться' или 'открываться' чаще будут использоваться глаголы, производные от каузативных ('ломать', 'открывать').

1.2.2. Попытки объяснения наблюдаемых распределений

В литературе предлагались как функциональные, так и формальные объяснения наблюдаемому варьированию в выражении каузативно-инхоативных оппозиций.

В [Haspelmath 1993: 106—108] корреляция между семантикой глагола (положением на шкале самопроизвольности) и его морфологической формой объясняется принципом иконичности в языке: когнитивно маркированные элементы стремятся к формальному маркированию. Это позволяет решить

проблему «отрицательного значения»¹ декаузативной морфемы, значение глагола рассматривается не как набор «объективных семантических особенностей, обнаруживаемых с помощью семантической декомпозиции», а как «концептуальное значение», ассоциирующееся с некоторым прототипом. Однако «когнитивная сложность» понятия с трудом поддается измерению, поэтому впоследствии М. Хаспельмат предлагает опираться на более осязаемые показатели. В [Haspelmath 2014, 2016] объяснения основываются не на принципе поиска прямого соответствия между значением и формой (*form-meaning parallelism*), а на влиянии частотности и законе Ципфа (*form-frequency correspondence principle*). Эмпирически доказывается, что в парах, где частотность инхоативного глагола больше, с большей вероятностью используется каузативная морфема и наоборот.

Следует отметить, что в генеративных исследованиях, проводимых главным образом на материале английского языка, часто основное внимание уделялось объяснению лабильности множества английских глаголов наподобие *break, boil, open*. Сначала объяснения «каузативно-инхоативной альтернации» предлагались в рамках различных синтаксических теорий, например, [Marantz 1997; Hale & Keyser 2002; Rylkkanen 2002 и др.], затем были разработаны детальные теории лексической декомпозиции глагола, например, [Levin & Rappaport Hovav, 1995; Ramchand 2008], рассматривающие преобразования в структуре события. В последнее время появляются исследования, учитывающие также прагматические и дискурсивные факторы, например [Rappaport Hovav & Levin 2012; Rappaport Hovav 2014; Levin 2015].

1.3. Типология морфологических средств выражения каузативно-инхоативных оппозиций

Изучение каузативно-инхоативных смысловых оппозиций представляет интерес, так как существует богатый типологический инвентарь средств

¹ Ср. [Мельчук 1998: 392]: «Декаузатив является весьма парадоксальной дериватомой, поскольку его значение, так сказать, о т р и ц а т е л ь н о. <...> Присоединяясь к лексически каузативному глаголу, декаузатив «стирает» в его означаемом компонент ‘каузировать’».

выражения этих значений. Варьирование может наблюдаться не только в различных языках в зависимости от доминирующего типа кодирования актантных дериваций (ср. обсуждавшееся выше деление на *transitivizing & detransitivizing languages* [Nichols et al. 2004]), но и внутри системы одного языка. Как мы уже упоминали, основные типы формального соотношения глаголов в каузативно-инхоативных парах были выделены в работах [Недялков 1969; Haspelmath 1993]. Классификация строится на основании того, является ли один из членов пары формально производным от другого, и включает в себя следующие типы:

1. Направленные оппозиции, в которых один член пары является производным от другого:
 - a. маркирование специальным показателем каузативного члена пары (далее **C**): арабск. *darasa* ‘учиться’ > *darrasa* ‘учить’, урмийский *+rdaxlə* ‘кипеть’ > *+murdaxlə* ‘кипятить’;
 - b. маркирование инхоативного члена пары декаузативным показателем (далее **A**, ср. anticausative): *ломаться* < *ломать*, сирийский *ʔetptaḥ* ‘открыться’ < *ptaḥ* ‘открыть’;
2. Ненаправленные оппозиции, в которых члены пары представляют собой:
 - a. лабильные глаголы (далее **L**), способные выступать и как переходные, и как непереходные без изменения морфологической формы: англ. *boil* ‘кипеть/кипятить’, урмийск. *ptaxlə* ‘открыться/открыть’;
 - b. эквиполентные глаголы (далее **E**), каждый из которых маркирован: древнееврейск. *namas/hemes* ‘расплавиться/расплавить’;
 - c. супплетивные глаголы (далее **S**): *гореть* – *жечь*.

В своем исследовании мы опираемся на эту классификацию, так как она кажется нам довольно удобной в силу своей универсальности. Пользуясь этим аппаратом, мы сможем ввести данные арамейских языков в типологический оборот, кроме того, он удобен для сравнения глагольных систем разных языков внутри арамейской подгруппы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Во второй части нашей работы мы обратимся к изучению каузативно-инхоативных пар в конкретных языках, а именно проанализируем в типологическо-диахронической перспективе данные арамейских языков. Некоторые сведения общего характера о каузативно-инхоативных парах в арамейских языках содержатся в статье [Göransson 2015]. В частности, там упоминаются две яркие особенности диахронического развития показателей актантажной деривации в арамейских языках: 1) сохранение на протяжении долгого времени продуктивного каузативного маркирования; 2) утрата новоарамейскими языками декаузативной морфемы и увеличение числа лабильных глаголов. Одной из задач нашего рассмотрения стало более систематизированное описание этих уже зафиксированных процессов. Другие исследования по данной теме в основном посвящены отдельным арамейским языкам; так описание каузативных конструкций в христианском урмийском новоарамейском представлено в [Khan 2015], а анализ декаузативного показателя в классическом сирийском — в [Farina 2011].

2.1. Языковой материал

Исследование проведено на материале восьми арамейских языков, использовавшихся в разные исторические периоды, охватывающие в общей сложности около 2500 тысяч лет развития. В выборку были включены следующие идиомы: имперский арамейский (†), классический сирийский (†), классический мандейский (†), христианский палестинский (†), христианский урмийский, туройо, новомандейский, язык Маалулы. Мы считаем такую выборку репрезентативной для построения диахронического описания каузативно-инхоативных пар в арамейских языках. Для обоснования этого тезиса обратимся к некоторым общим фактам, касающимся классификации этих идиомов.

Арамейские языки (северо-западные < центральносемитские < западные < семитские < афразийские) отделились от ханаанейских примерно четыре

тысячи лет назад. В начале первого тысячелетия до н. э. произошел распад арамейской общности на западную и восточные ветви [Коган 2009: 25]. Далее мы опираемся на генеалогическо-хронологическую классификацию², предложенную немецким арамеистом К. Байером и кратко изложенную в [Лезов 2009а: 439]. Согласно этой классификации история арамейских языков включает три периода, языки каждого из которых генеалогически делятся на восточные и западные. Приведем их в виде схемы, выделив полужирным шрифтом языки, вошедшие в нашу выборку:

Арамейские языки

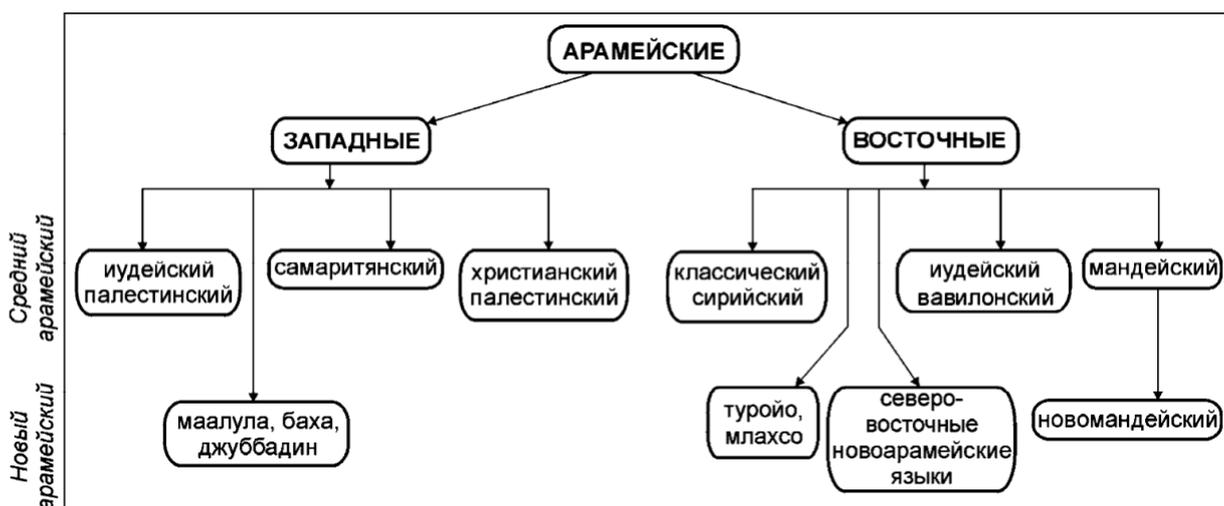
- Староарамейские (IX в. до н. э.—200 г. н. э.)
 - Восточные
 - Язык заклинания из Урука
 - Старосирийский
 - Восточномесопотамский
 - Западные
 - Древний арамейский
 - **Имперский арамейский**
 - **Ахеменидский**
 - Постахеменидские
 - Старый западноарамейский
- Среднеарамейские (200—1200 гг. н. э.)
 - Восточные
 - **Классический сирийский**
 - Иудейский вавилонский
 - **Классический мандейский**
 - Западные
 - Иудейский палестинский
 - **Христианский палестинский**
 - Самаритянский арамейский
- Новоарамейские (1200 г. н. э.—наши дни)

² Существуют и другие подходы к классификации, ср. комментарий из [Лезов 2009а: 432]: «Преобладание хронологически-географического подхода к классификации А[рамейских] я[зыков] в современных обзорных и обобщающих работах объясняется трудностями, с которыми приходится иметь дело при любых попытках более глубокой классификации, на какой бы теоретической основе они ни базировались, а также тем, что специалисты по письменным арамейским языкам мало интересуются историческим языкознанием».

- Восточные
 - Туройо
 - Северо-восточные новоарамейские
 - Христианский урмийский
 - Новомандейский
- Западные
 - Язык дер. Маалула
 - Язык дер. Баха
 - Язык дер. Джуббадин

В связи с разной степенью сохранности и доступности языков в нашей выборке есть некоторые перекосы. В нее не вошел ни один из восточных староарамейских идиомов, так как эти языки засвидетельствованы лишь эпиграфическими памятниками, по которым невозможно собрать данные о интересующих нас глагольных парах. В связи с этим самые ранние рассматриваемые нами арамейские тексты относятся к середине, а не к началу первого тысячелетия до н. э. (см. подробнее в разделе «Имперский арамейский»). Обратная ситуация наблюдается при обращении к языкам средне- и новоарамейского периодов: восточные идиомы засвидетельствованы и сохранились лучше западных. Ниже на Рис. 2 приводится схема генеалогических отношений между языками этих периодов из [Лезов 2009а: 462].

Рис. 2. Генеалогические отношения между средними и новыми арамейскими языками

В выборку были включены два среднеарамейских и три новоарамейских восточных языка. Как можно заметить из схемы на Рис. 2, из живых арамейских языков только новомандейский является прямым потомком одного из письменно засвидетельствованных среднеарамейских языков — классического мандейского, оба этих idioma также вошли в нашу выборку.

2.2. Методология

В качестве контрольного набора каузативно-инхоативных пар был взят список из работы [Haspelmath 1993], насчитывающий 31 пару глаголов. Ожидалось, что на этой выборке удастся заметить некоторые закономерности в организации глагольной лексики арамейских языков. Направление исследования шло от семантики к форме: после перевода глаголов, определялся тип формального соотношения глаголов в каждой паре. Определение типов кодирования было необходимо потому, что нас интересовало структурное сравнение глагольных систем разных арамейских языков, а не этимологическое развитие того или иного корня.

Способ сбора данных зависел от языка: у нас был доступ к работе с носителями одного из живых арамейских языков (христианского урмийского), поэтому для него переводы собирались методом элицитации. Нами была разработана анкета (приводится в Приложении 1), в которой для каждого глагола из списка М. Хаспельмата был подобран контекст. Для остальных идиомов сбор данных проводился в несколько этапов. Сначала осуществлялась работа со словарем — выбирались все глаголы, имеющие в словарной статье нужную английскую глоссу в ряду основных значений. Затем каждый глагол проверялся по контекстам из корпуса. Условия, которые учитывались при отборе:

1. глаголы должны использоваться в контекстах, близких к тем, что представлены в анкете, составленной для элицитации;

2. если есть несколько кандидатов, выбирается более частотный глагол (тот, который большее число раз зафиксирован в сохранившихся/доступных текстах);
3. если сведений о частотности нет или осталось несколько одинаково подходящих вариантов, выбирается глагол, однокоренной со вторым членом пары (при наличии).

2.3. Морфологические средства кодирования актантных дериваций в арамейских языках

В арамейских языках за изменение аргументной структуры глагола отвечают специальные словообразовательные модели — «породы» в традиционной семитологической терминологии. Породы представляют собой явление, промежуточное между словоизменительным классом и актантной деривацией.

С одной стороны, подобно **словоизменительным классам**, породы обуславливают алломорфическое варьирование при образовании видо-временных глагольных форм. Рассмотрим пример образования претерита в христианском урмийском: у глаголов I породы (по номенклатуре, используемой в [Khan 2016]) он строится по модели $CCiC-$, у II породы — $CuCəC-$, у III породы — $muCCəC$, где C — согласные корня. Принадлежность к той или иной породе является индивидуальной характеристикой глагольной основы и задается в словаре, а семантика глагола не позволяет надежно предсказать его породу: ср. *bakər* II ‘to ask, to inquire’ vs. $+taləb$ I ‘to ask, to request’ [Khan 2016]. С другой стороны, все же существуют гнезда глаголов, относительно регулярно связанных друг с другом по смыслу. Если глагол имеет корреляты в нескольких породах, то глагол I породы будет как правило выступать как исходный, а образование глаголов II и III пород будет представлять собой **повышающую актантную деривацию**: *pšərrə* I ‘таять’,

pušarra II ‘растопить’ (контактная каузация), *mušarra* III ‘растопить’ (дистантная каузация)³.

Репертуар пород «остается в основе своей неизменным в староарамейский и среднеарамейский периоды» [Лезов 2009а: 487]. Подробнее о формальном выражении, а также о семантике каждой из пород см. в следующих разделах, которые посвящены описанию данных каждого языка из нашей выборки. Сейчас же введем только номенклатуру, которой мы будем пользоваться при описании:

- **G**-порода (основная, от нем. Grundstamm) — морфологически и семантически немаркированная основа;
- **D**-порода (Doppelungsstamm ‘порода с геминацией’) — как правило, образовывалась с помощью удвоения второго корневого согласного, семантика часто связана с повышающей актантной деривацией;
- **K**-порода (Kausativstamm ‘каузативная порода’) — претерит образовывался с помощью префикса *ʔa-/ha-*, глаголы этой породы обычно имеют каузативное значение;
- от каждой из трех перечисленных существовала производная порода с префиксом *ʔVt-*: **Gt**, **Dt** и **Kt**, семантика этих пород, как правило, связана с уменьшением числа аргументов глагола;
- для четырехсогласных корней иногда отдельно выделяют **Q** и **Qt** породы (от англ. Quadriliteral);

Таким образом, семантика D и K-пород обычно связана с повышением переходности глагола и увеличением количества актантов, в то время как характерными значениями производных t-пород являются пассив, декаузатив, рефлексив, реципрок и инхоатив. В новоарамейских языках t-породы, как правило, утрачиваются, а «различие между исходной породой и D в них последовательно лексикализовано, т. е. лишено какой бы то ни было регулярной семантической нагрузки» [Лезов 2009а: 487].

³ Примеры элицированы летом 2021 года у носителей, проживающих в селе Урмия (Краснодарский край).

Приведем примеры (6)—(9) из перевода Библии на классический сирийский (V в н. э.) для иллюстрации того, как может быть устроена система пород. Выбраны несколько глаголов, производных от корня *q-t-l* ‘убивать’.

(6) *qṭal* **G** ‘убивать’

qam *Qain ṣal* *Hbil* *w-qṭl-eh*
встать.G.PRF.3SG Каин на Авель и-убить.G.PRF.3SG.M-OBJ.3SG.M
‘Восстал Каин на Авеля и **убил** его’. (Бытие 4:8)

(7) *qattel* **D** ‘убивать (много людей)’

w-qattel *kul* *dekr-ā*
и-переубивать.D.PRF.3M весь мужской-DET

[А на третий день, когда они еще лежали больные, Симеон и Левий, сыновья Иакова, братья Дины, взяли мечи, без помех вошли в город] ‘и **перебили** в нем всех мужчин до единого’. (Бытие 34:25, перевод РБО)

(8) *ṭetqtel* **Gt** ‘быть убитым’

net-qtel
Gt.IMPF.3-быть_убитым.**Gt**.IMPF

[И Авимелех объявил своему народу: «Всякий, кто тронет этого человека или его жену,] ‘будет предан смерти’». (Бытие 26:11, перевод РБО)

(9) *ṭetqattal* **Dt** ‘быть убитым (о многих)’

ṭet-qattal
Dt.PRF-быть_убитым.**Dt**.PRF.3M

[Он выдал их гаваонитянам, и те распяли их на горе перед Господом: все семеро] ‘**погибли вместе**’. (2 Царств 21:9, перевод РБО)

Отметим, что в примерах выше отобраны наиболее яркие случаи, в которых наблюдается четкое семантическое противопоставление однокоренных глаголов разных пород. Однако в дальнейшем мы часто будем сталкиваться с менее регулярными системами.

В рамках этой работы введенный аппарат обозначения пород будет использоваться для описания и древних, и новых арамейских языков, хотя в грамматиках последних часто используются просто римские цифры (ср. выше примеры из урмийского). В случаях, когда для какого-либо языка наша номенклатура не совпадает с используемой в грамматике, соответствия между двумя системами обозначений обсуждаются в разделе, посвященном этому языку.

2.4. Типы соотношения каузативно-инхоативных глаголов в арамейских языках

При определении типов формального соотношения глаголов в каузативно-инхоативных парах мы руководствовались следующими соображениями:

1. G-порода является немаркированной по отношению ко всем остальным. Соответственно, под каузативный тип маркирования (C) попадают сочетания G/D и G/K, а под антикаузативный (A) — Gt/G. G-порода принимается нами за немаркированную, во-первых, на формальных основаниях — для образования форм в этой породе не используется дополнительных словообразовательных префиксов и суффиксов. Во-вторых, на семантических основаниях — как правило, большинство глаголов языка относятся именно к этой породе, при этом нет каких-либо регулярных ограничений на их классы.
2. t-породы маркированы относительно соответствующих пород без t-префикса, следовательно к антикаузативному типу относятся также пары Dt/D и Kt/K.
3. Все остальные сочетания, не содержащие глагол в G-породе, (например, Gt/K) относятся к эквиолентному типу (E), так как обе формы являются маркированными. Кроме того, в некоторых языках существует дополнительное разделение на «переходное и непереходное спряжения» внутри G-породы, в таких случаях обычно нет оснований, на которых то

или иное спряжение могло бы считаться более маркированным, поэтому в редких случаях к эквиполентному типу относятся и глаголы G-породы (см. подробнее в разделе «Туройо»).

Обобщения об основных типах маркирования каузативно-инхоативных оппозиций в арамейских языках представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Соотношение основ в каузативно-инхоативных парах в арамейских языках

Тип соотношения глаголов	Порода инхоативного глагола	Порода каузативного глагола
КАУЗАТИВ (C)	G	K, D
ДЕКАУЗАТИВ (A)	Gt	G
	Dt	D
	Kt	K
ЛАБИЛЬНЫЕ ГЛ. (L)	Один и тот же корень в одной и той же породе	
ЭКВИПОЛЕНТНЫЕ ГЛ. (E)	Gt	K, D
СУППЛЕТИВНЫЕ ГЛ. (S)	√1 (в любой породе)	√2 (в любой породе)

Таким образом, в арамейских языках встречаются все типы формального маркирования глаголов в каузативно-инхоативных парах, выделенные в [Haspelmath 1993], в направленных оппозициях в качестве показателей выступают маркеры морфологически производных пород.

2.5. Описание собранного материала

В этом разделе мы опишем собранный нами материал, по очереди обсудив системы каждого из языков выборки. Описания строятся по следующему плану.

- Внешние сведения — краткая экстралингвистическая информация о времени и месте функционирования языка, доступном корпусе, количестве носителей, степени описанности.

- Средства кодирования актантных дериваций — особенности семантики и формы глагольных пород в конкретном идиоме.
- Результаты — обсуждение особенностей каузативно-инхоативных пар в данном языке и описание распределения контрольного набора ситуаций по типам маркирования.

2.5.1. Имперский арамейский

Внешние сведения

Имперский арамейский (< западные < староарамейские) был одним из официальных языков (наряду с эламским, древнеперсидским и аккадским) Ахеменидской державы — персидского государства, существовавшего на территории Ближнего Востока в VI—IV веках до н. э. В основу стандартизированного письменного языка, видимо, лег один из западноарамейских диалектов Верхней Месопотамии, функционировавший в качестве лингва франка на Ближнем Востоке еще до прихода персов. Большинство дошедших до нас текстов на имперском арамейском происходят из Египта, что связано с благоприятным для сохранения папируса и кожи климатом этого региона [Лезов 2009: 497—499].

Корпус состоит в основном из памятников V в. до н. э., найденных на о. Элефантина (расположен на р. Нил) и включает «документы частного права, административные документы, письма, а также литературные тексты — фрагменты арамейского перевода Бехистунской надписи Дария I и Повести об Ахикаре Премудром» [Лезов 2009: 500]. Кроме того, сохранилось несколько десятков писем, частноправовых документов и надписей из других мест в Египте и Малой Азии, однако в целом корпус имперского арамейского ахеменидской эпохи не очень велик. Тем не менее, мы включили этот идиом в свою выборку, так как он задокументирован лучше, чем остальные староарамейские языки, функционировавшие ранее II в. до н. э.

Средства кодирования актантных дериваций

Включив рассмотрение имперского арамейского ахеменидской эпохи в свое исследование, мы надеялись построить в конечном счете такое диахроническое описание, которое охватывало бы период развития арамейских языков на протяжении двух с половиной тысяч лет. Однако в ходе работы мы столкнулись с парадоксальной проблемой — грамматические описания этого идиома во многом отталкиваются от сведений, известных нам о более поздних арамейских языках, и часто некоторые явления постулируются только потому, что были засвидетельствованы в других диалектах, то есть фактически реконструируются [Muraoka, Porten 2003: 111]. Это связано как с ограниченностью сохранившегося корпуса, так и с тем, что до нас дошли только тексты, записанные консонантным алфавитом без обозначения гласных и удвоения согласных. Последний факт создает особенные трудности для описания системы кодирования актантных дериваций, так как единственной отличительной чертой D-породы в большинстве видо-временных форм является как раз геминация второго корневого согласного.

В грамматике [Muraoka, Porten 2003: 110, 189] в имперском арамейском постулируется существование всех шести пород, перечисленных нами в разделе 2.3:

- немаркированная G-порода: например, *mut* ‘умирать’, *šlh* ‘посылать’⁴.
- D-порода: большинство примеров реконструируется на основе знаний о других семитских языках, однако отметим, не вдаваясь в морфологические подробности, что в нефинитных формах и формах «пустых» глаголов все же есть некоторые указания на существование этой породы. Семантика часто, но не всегда связана с повышением переходности глагола, приведем некоторые примеры: *qrb* G ‘быть/стать близким’ vs. D ‘приближать’, *zbn* G ‘покупать’ vs. D ‘продавать’; *ḥwb* G

⁴ Все примеры корней приводятся без гласных, так как они могут только реконструироваться.

‘быть обязанным’ vs. D ‘обязать’, *bny* G ‘строить’ vs. D ‘ремонттировать’, *šlh* G ‘посылать’ vs. D ‘высылать’.

- **К**-порода: образуется с помощью префиксов *h*- или *ʔ*- и в основном выражает каузативную семантику: *npq* G ‘выходить’ vs. *hnpq* K ‘выносить’, *ʔth* G ‘приходить’ vs. *hyty* K ‘выносить’, *hly* ‘быть сладким’ vs. *hhly* ‘сладить’ и др.
- Три производные от этих пород модели с префиксом *ʔt*-. Формы пород **Gt** и **Dt** не отличаются друг от друга в той орфографии, которой записаны дошедшие до нас тексты, поэтому существование этого разделения реконструируется: *ʔbnh* Gt ‘быть построенным’, *ʔšbd* Gt ‘быть сделанным’, *ʔqtl* Gt ‘быть убитым’ vs. *ʔbšr* Dt ‘быть уменьшенным’, *ʔšbš* Dt ‘насытиться’, *ʔknš* Dt ‘собратиться’. Формы породы **Kt**, по данным грамматики, встречаются в корпусе только два раза: *ʔtwsp* ‘быть добавленным’ и *ʔšdy* ‘быть убраным, удаленным’.

Таким образом, в имперском арамейском ахеменидской эпохи реконструируются одна базовая и пять производных пород. Исходя из их семантики, мы ожидаем, что инхоативные глаголы либо будут не маркированы, либо будут иметь декаузативный показатель *ʔt*-, в то время как каузативные корреляты могут маркироваться показателями D и K-пород.

Результаты

В результате работы со словарем [Hoftijzer, Jongeling 1995] и корпусом египетских текстов по изданию [Cowley 1923], а также с размещенными на электронном ресурсе The Comprehensive Aramaic Lexicon (далее CAL) данными, нам удалось полностью перевести лишь треть исследуемых каузативно-инхоативных пар, еще для трети пар засвидетельствован только один из членов. Собранные глаголы приводятся в Таблице 15 в Приложении 2, здесь же рассмотрим получившееся распределение по типам кодирования (Таблица 2).

Таблица 2. Типы формального соотношения каузативно-инхоативных глаголов в имперском арамейском

Тип	Породы	Количество пар
С	G/K	3
А	Dt/D	3
L	G	3
S	G/G	1
Всего		10

Несмотря на небольшой объем корпуса, удалось обнаружить примеры трех основных типов кодирования — встретились как пары, где маркируется только каузативный или инхоативный член, так и лабильные глаголы. Последние представляют интерес для будущего анализа в сравнении с другими арамейскими языками, поэтому приведем их: *mlʔ G* ‘наполнить(-ся), *pḥ G* открыть(-ся), *ʔḥd G* закрыть(-ся).

В целом, придется признать, что данные имперского арамейского хотя и могут помочь нам построить базовое представление о развитии глагольной лексики арамейских языков, должны восприниматься с осторожностью из-за ограниченного числа примеров.

2.5.2. Классический сирийский

Внешние сведения

Классический сирийский язык (< восточные < среднеарамейские) — один из мертвых восточных арамейских языков, на протяжении I тысячелетия н. э. функционировавший как литературный язык арамеев-христиан Сирии и Месопотамии. Разговорной основой письменного варианта стал диалект города Эдессы (современный г. Шанлыурфа на юго-востоке Турции). Классический сирийский является самым документированным языком из нашей выборки: с III по XIII вв. н. э. на нем был создан большой корпус оригинальной и переводной литературы, по объему превышающий памятники остальных мертвых арамейских языков, вместе взятых [Лезов 2009с: 562—565].

Средства кодирования актантных дериваций

Формальное устройство системы пород классического сирийского языка можно проиллюстрировать с помощью форм перфекта от корня *p-ʕ-l* ‘делать’ [Muraoka 2005: 41]:

G	<i>pʕal</i>	Gt	<i>ʔeṭ-pʕel</i>
D	<i>paʕʕel</i>	Dt	<i>ʔeṭ-paʕʕal</i>
K	<i>ʔa-ʕʕel</i>	Kt	<i>ʔetta-ʕʕal</i>

Кроме того, существует большое количество четырехконсонантных корней (Q и Qt модели), которые спрягаются так же, как глаголы D и Dt-пород. Перечислим основные значения сирийских пород:

- **G**-порода морфологически и семантически не маркирована, при этом у некоторых глаголов «наблюдается частичная корреляция между семантическим типом и тематическими гласными претерита и футурума. <...> У ряда глаголов тематический гласный футурума зависит от значения переходности: *ḥlap̄/nehlop̄* ‘изменять’, *ḥlap̄/nehlap̄* ‘изменяться’» [Лезов 2009с: 592].
- **D**-порода образуется с помощью удвоения второго согласного корня. Характерные значения⁵:
 - каузатив от глаголов G-породы: *qreb* ‘приблизиться’ — *qarreb* ‘принести’,
 - декларатив (‘объявлять, что’ + значение глагола в G-породе): *zka* ‘быть невиновным’ — *zakki* ‘счесть невиновным’,
 - мультиобъектность: *qattel* ‘убить (многих)’,
 - деноминатив: *nbiya* ‘пророк’ — *nabbi* ‘пророчествовать’.
- **K**-порода в претерите образуется с помощью префикса *ʔa-*. Характерные значения:

⁵ Здесь и далее примеры приводятся в основном из статьи [Лезов 2009: 594], а также из [Farina 2011: 4—6].

- каузатив от глаголов G-породы: *ʔeḳal* ‘есть’ — *ʔa-wkel* ‘кормить’,
 - деноминатив: *ʔellâlâ* ‘тень’ — *ʔa-ʔlel* ‘затенять’.
- Характерные значения производных **Gt**, **Dt** и **Kt**-пород:
 - пассив: *ḥ-p-r* G ‘копать’ > Gt ‘быть выкопанным’, *t-q-n* D ‘чинить’ > Dt ‘быть починенным’, *n-p-q* K ‘выводить; изгонять; тратить (деньги)’ > Kt ‘быть забранным, изгнанным, потраченным’;
 - декаузатив: *p-l-h-d* G ‘рассеять, разбросать’ > Gt ‘рассеяться (о войске)’, *ʕ-t-d* D ‘готовить’ > Dt ‘готовиться’;
 - рефлексив: *ʕ-b-t* D ‘украшать’ > Dt ‘наряжаться’.

Несмотря на то, что с формальной точки зрения сирийский отличается от других семитских языков особой регулярностью и симметричностью системы пород, семантика глаголов той или иной породы не всегда предсказуема, так как эти морфологические показатели отвечают за передачу словообразовательных, а не грамматических значений⁶. Кроме того, большинство глаголов не употребляются во всех шести породах.

Помимо префикса *ʔeṭ-* в классическом сирийском существует еще одно средство понижения переходности — так называемый «внутренний пассив», образующийся по модели *qṭil*. Согласно [Farina 2011], оба средства связаны с категорией медиа, но образующиеся с их помощью глаголы различаются акциональными характеристиками: «внутренний пассив» отвечает за передачу результата и статива, в то время как формами с префиксом *ʔeṭ-* обычно выражаются предельные процессы. Ср. замечание в грамматике [Muraoka 2005: 42]: «Where an internal passive participle is attested side by side with an external, *eth*-prefixed one, the former stresses a result, the latter a process: *ktiv* ‘(already) written’ vs. *meṭktiv* ‘in the process of being written’; *bnē* ‘built’ vs. *meṭbnē* ‘under construction’». Таким образом, в рамках нашего исследования формы «внутреннего пассива» не будут рассматриваться, потому что интересующие

⁶ Ср. замечание из грамматики [Muraoka 2005: 41]: «The semantic or functional opposition between these six patterns is still a matter of debate».

нас инхоативные глаголы по определению выражают не просто состояние, а вхождение в состояние.

Результаты

В Таблице 16 в Приложении 2 представлены сирийские соответствия для контрольного набора каузативно-инхоативных пар, собранные нами с помощью словарей [Payne Smith 1903] и [Sokoloff 2009], а также электронного ресурса CAL. Общее распределение по типам кодирования отношений глаголов в каузативно-инхоативных парах представлено в Таблице 3.

Таблица 3. Типы формального соотношения каузативно-инхоативных глаголов в классическом сирийском

Тип	Породы	Количество пар	Всего
C	G/D	6	12
	G/K	6	
A	Gt/G	5	10
	Dt/D	3	
	Kt/K	2	
L	G	3	5
	D	1	
	K	1	
E	Gt/K	1	1
S	G/G	1	1
Всего			29

Из Таблицы 3 видно, что в классическом сирийском преобладают направленные оппозиции (C и A) — они были обнаружены в 22 каузативно-инхоативных парах из 29). Самым распространенным в нашей выборке глаголов оказался **каузативный тип** кодирования, причем каузативный глагол образуется одинаково часто как с помощью D, так и с помощью K-пород. Маркирование инхоативного глагола специальным **декаузативным маркером** *ʔet-* встречается в сопоставимом числе случаев, каузативный же коррелят может стоять в любой из «активных» пород (G, D или K). Ненаправленные оппозиции сравнительно редки: супплетивна только пара *mit/ʔtal* ‘умереть/убить’, также только в одной паре *ʔetpni/ʔafni*

‘повернуться/повернуть’ маркированы оба глагола. Особый интерес для дальнейшего анализа представляют **лабильные глаголы**, к ним относятся: *pras* G ‘распространить(-ся)’, *šli* G ‘остановить(-ся)’, *mlā* G ‘наполнить(-ся)’, *šari* D ‘начать(-ся)’, *ʔaḡled* K ‘замерзнуть/заморозить’.

2.5.3. Классический мандейский

Внешние сведения

Классический мандейский (< восточные < среднеарамейские) — язык, употреблявшийся религиозно-этнической общиной мандеев, проживавших в Месопотамии (на южной границе между современными Ираком и Ираном) в первом тысячелетии н. э. Большинство памятников мандейской литературы было создано в период **с III по VII вв. н. э.**, «в жанровом отношении это ритуальные тексты, гимны, молитвы и песни, комментарии, легенды, теологические и мифологические трактаты, магические тексты-заклинания против демонов, дошедшие до нас в виде книг, а также в виде надписей на магических глиняных чашах и свинцовых свитках» [Немировская 2009: 627].

Средства кодирования актантных дериваций

Классический мандейский обладает полным арсеналом пород, типичным для арамейских языков⁷:

- морфологически не осложненная **G**-порода. Внутри этого класса глаголов существуют три типа спряжения, распределение по которым коррелирует с переходностью глагола [Macuch 1965: 258]: ср. *ḡtal* ‘убивать’ vs. *dhil* ‘бояться’, однако распределение не систематично, а также для некоторых глаголов отмечается вариативность, например *rhim/rham* ‘любить’.
- **D**-порода характеризуется геминацией второго корневого согласного (графически не обозначается в текстах, но постулируется в грамматике) и

⁷ Примеры приводятся из [Немировская 2009; Burtea 2011; Macuch 1965].

выражает каузатив, но часто значение лексикализовано и у глагола нет коррелята в G-породе: *haššib* ‘думать’, *šaddar* ‘посылать’.

- **К**-порода образуется с помощью префикса *a-* и используется для образования каузативных глаголов: *apreš* ‘объяснять’
- Согласно грамматикам, производные с помощью префикса *et-* **Gt**, **Dt** и **Kt** породы выражают пассив и рефлексив, однако в целом семантика этих пород описана крайне скудно. Некоторые примеры: *etigtil* Gt ‘быть убитым’, *ethaššab* Dt ‘обдумывать’, *ettapraš* Kt ‘быть наученным’.

К сожалению, нам не удалось найти в существующих описаниях классического мандейского исчерпывающей информации ни о семантике перечисленных пород, ни об общем распределении глаголов по этим классам. Данные о маркировании каузативно-инхоативных оппозиций, рассматриваемые нами в следующем разделе, демонстрируют любопытные закономерности.

Результаты

Переводы исследуемых каузативно-инхоативных пар собраны нами по словарю [Drower 1963] с обращением к корпусу текстов на сайте CAL, результаты представлены в Таблице 17 в Приложении 2. Общее распределение глагольных пар по типам маркирования приводятся ниже в Таблице 4.

Таблица 4. Типы формального соотношения каузативно-инхоативных глаголов в классическом мандейском

Тип	Породы	Количество пар	Всего
C	G/D	11	13
	G/K	2	
A	Gt/G, Gpass ⁸ /G	5	7
	Dt/D	2	
L	G	3	4
	D	1	
S	G/G, G/D, Qt/D	5	5
Всего			29

⁸ В корпусе не встретилось глагола ‘закрывать’, только пассивное причастие от глагола ‘закрывать’ в G-породе.

Приведенное распределение в классическом мандейском демонстрирует две характерные черты, отличающие этот идиом от других языков из нашей выборки. Во-первых, как и в других языках, в нем довольно распространен **каузативный тип** кодирования, но при этом интересно, что в большинстве случаев каузативный коррелят стоит в D, а не K-породе, которая традиционно считается наиболее продуктивным средством каузативации в арамейских языках. Таким образом, судя по нашим данным, в классическом мандейском наблюдается наименьшая степень лексикализации D-породы по сравнению с другими арамейскими языками выборки.

Во-вторых, в классическом мандейском зафиксировано больше всего пар супплетивных глаголов. В некоторых случаях это вызвано тем, что происходит переосмысление разных форм от одного корня, ср. *atar* ‘просыпаться’ vs. *air* ‘будить’, которые фиксируются в словаре как глаголы с разными корнями, хотя исторически, очевидно, в непереходном глаголе выделялся префикс *t-*.

Однако отметим, что на данном этапе изучения делать какие-то серьезные выводы представляется не совсем обоснованным, классический мандейский язык все еще плохо описан и требует более детального исследования глагольной системы.

2.5.4. Христианский палестинский

Внешние сведения

Христианский палестинский (< западные < среднеарамейские) — язык, использовавшийся представителями арамейской христианской общины в Палестине с V по XIII вв. н. э. «Корпус включает переводы Библии, а также христианскую теологическую и литургическую литературу, переведенную с греческого. Имеются незначительные по объему эпиграфические находки из районов Иерусалима и Аммана и одно письмо VIII в. на папирусе из монастыря Каstellion (Мирд) в Иудейской пустыне» [Лезов 2009: 461].

Средства кодирования актантных дериваций

В христианском палестинском арамейском выделяются все шесть пород, типичные для арамейских языков. В грамматике [Müller-Kessler 1991: 151—183] перечисляются встретившиеся в корпусе формы, из этих примеров можно судить о следующих особенностях глагольного словообразования в этом идиоме:

- к немаркированной **G**-породе могут относиться как переходные, так и непереходные глаголы: *bḥr* ‘выбрать’, *šlb* ‘распять’, *npl* ‘падать’⁹.
- на существование **D**-породы указывают в основном данные родственных арамейских языков и передача характерных гласных в некоторых финитных формах с помощью графем для согласных; удвоение второго корневого на письме не обозначается, но реконструируется. В этот класс попадают в основном переходные глаголы, часто каузативные: *ʔlp* ‘учить’, *ʔsy* ‘исцелять’, *qbl* ‘получать’, *šbh* ‘восхвалять’.
- Порода **K** образуется с помощью префикса *ʔ*- и по формулировке в грамматике несет в основном «каузативное и фактитивное значение» [Müller-Kessler 1991: 173]. Однако, судя по примерам, часто значение лексикализовано и множество глаголов не имеет коррелятов в других породах: *ʔmṭr* ‘идет дождь’, *ʔḥsp* ‘осмелиться’, *ʔkrz* ‘проповедовать’, *ʔskl* ‘грешить’.
- Формы породы **Kt** в большинстве примеров невозможно отличить в тексте от форм **Gt** и **Dt** пород. Среди значений t-пород наиболее распространенными являются:
 - пассив: *ʔštlb* Gt ‘быть распятым’, *ʔthtm* Dt ‘быть запечатанным’;
 - декаузатив: *ʔtptḥ* Gt ‘открыться’.
 - Часто значение лексикализовано: *ʔthmt* Dt ‘злиться’, *ʔthšb* Gt ‘думать’ vs. Dt ‘планировать, замышлять’, *ʔtmlk* Gt/Dt ‘консультироваться, решать’, *ʔtnbl* Dt ‘страдать’.

⁹ Мы приводим примеры без гласных, так как в сохранившемся корпусе они не передавались на письме, а насчет их реконструкции ведутся споры, см. [Beyer 1995].

Результаты

Данные о каузативно-инхоативных парах в христианском палестинском арамейском, собранные нами по словарю [Sokoloff 2014] с обращением за дополнительной информацией к электронному ресурсу CAL, представлены в Таблице 18 в Приложении 2. Ниже в Таблице 5 приводятся сведения об общем распределении глагольных пар по типам формального маркирования.

Таблица 5. Типы формального соотношения каузативно-инхоативных глаголов в христианском палестинском

Тип	Породы	Количество пар	Всего
C	G/D	5	10
	G/K	5	
A	Gt/G	7	11
	Dt/D	3	
	Kt/K	1	
L	G	1	2
	D	1	
E	Gt/K, Gpass/K	2	2
S	G/G	1	1
Всего			25

Опираясь на это распределение, можно заключить, что в христианском палестинском арамейском за кодирование отношений в каузативно-инхоативных парах отвечают в основном специальные показатели на одном из членов пары, то есть преобладают **направленные оппозиции**. При описании семантики D и K-пород выше мы уже отмечали, что их значения часто лексикализованы и нельзя говорить об исключительно каузативной семантике ни одной из этих моделей. Наше распределение еще раз иллюстрирует эту проблему — в отличие от других арамейских языков, для христианского палестинского не удастся выделить наиболее распространенный и продуктивный способ каузативации.

Как и в других арамейских языках, в христианском палестинском показатель *t*- является продуктивным декаузативным маркером. Можно отметить, что большинство ситуаций из нашего набора, относящиеся в

христианском палестинском к декаузативному типу маркирования, представляют собой события, которые обычно возникают под воздействием каузатора, например *ʔtptʔh/ptʔh* (Gt/G) ‘открыть(-ся)’, *ʔttbr/tbr* (Gt/G) ‘ломать(-ся)’, *ʔthad/ʔhad* (Gt/G) ‘закрыть(-ся)’.

2.5.5. Христианский урмийский

Внешние сведения

Христианский урмийский (северо-восточные < новоарамейские) — один из северо-восточных новоарамейских языков, на котором говорят христиане-арамеи (часто идентифицирующие себя как ассирийцы). Автохтонная территория распространения — Иранский Азербайджан (к западу и северо-западу от оз. Урмия), однако в XIX — XX вв. из этого региона произошли массовые миграции христианского населения, в результате которых в настоящее время в Иране остается меньше 5 000 ассирийцев [Лявданский 2009: 661; Khan 2016: 5]. В Грузии, Армении и России сформировалось несколько мест компактного проживания ассирийцев, в нашу выборку включен диалект, на котором говорят в селе Урмия Краснодарского края. Это единственный новоарамейский язык, с носителями которого нам удалось поработать лично: данные были собраны в ходе экспедиции в с. Урмия в августе 2021 г.¹⁰ Далее используются глоссы и транскрипция, разработанные нашей исследовательской группой по документации новоарамейских языков России.

От языка, который был прямым предком христианского урмийского и других северо-восточных новоарамейских идиомов, письменно зафиксированных текстов не сохранилось. Видимо, это был один из разговорных арамейских языков северной Месопотамии [Khan 2016: 23].

¹⁰ Работа велась в рамках проекта, поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований: «Документация северо-восточных новоарамейских идиомов на территории России» (грант № 20-012-00312).

Средства кодирования актантных дериваций

В христианском урмийском новоарамейском выделяют три породы — в терминологии [Khan 2016] I, II и III, кроме того, отдельный класс представляют четырехсогласные корни, они изменяются по моделям QI и QII. Породы христианского урмийского соотносятся с набором общеарамейских пород следующим образом:

- **I** порода соответствует немаркированной **G**-породе в принятой в этой работе системе обозначений. К этому классу относятся большинство глаголов языка: по нашим подсчетам, примерно половина (533 из 918¹¹) глагольных лексем из словаря [Khan 2016]. Среди этой группы встречаются:
 - **переходные** глаголы (около трети всех глаголов G породы): например, *taxə* ‘бить’, +*qaṭəl* ‘убивать’, *šaləg* ‘дергать’¹²;
 - **непереходные** глаголы (примерно половина всего класса): как пациентивные, например, *barəz* ‘сохнуть’, *carəp* ‘испытывать голод’, так и агентивные, например, +*raxət* ‘бежать’, *azəl* ‘идти’, *baḫə* ‘плакать’;
 - **лабильные** (в словаре найдено около 60 лексем): например, *patəx* ‘открывать(-ся)’, +*čaləp* ‘раскалывать(-ся)’, +*xaləv* ‘давать молоко/доить’.
- **II** порода соотносится с общеарамейской моделью **D**, удвоение второго корневого утрачено, однако фиксируется характерный набор гласных в разных видо-временных формах (например, модель C₁C₂C в претерите). Подавляющее большинство глаголов этого класса, по данным словаря, являются **переходными** (82 из 109 лексем), остальные относятся к непереходным и лабильным.

¹¹ Без учета четырехсогласных корней.

¹² Глаголы приводятся в форме PST.3M.SG. Знак «+» указывает на особую просодическую характеристику слова — сингармонизм по напряженности.

- В [Khan 2016] основное значение этой породы описывается как морфологический каузатив от глаголов G-породы. В словаре мы нашли 30 примеров пар, в которых глаголы связаны таким образом, как в примерах *bšallə* G ‘вариться’ vs. *bušallə* D ‘варить’, *dxilə* G ‘очищаться’ vs. *duxilə* D ‘очищать’, *trəxlə* G ‘проливаться’ vs. *turəxlə* D ‘пролить’.
- В остальных случаях у глаголов этой породы нет коррелятов в G-породе, а значение лексикализовано: ср. *+taləm* ‘наказывать’, *hacəm* ‘управлять’, *+šarə* ‘начинать(-ся)’.
- **III** порода является наиболее продуктивным средством каузативации и восходит к общеарамейской **K**-породе, но имеет характерный префикс *m-*, а не *ʔ-*, который мы наблюдали в остальных языках¹³. Абсолютное большинство лексем этой породы из словаря (247 из 276) являются **переходными** и имеют корреляты в первой породе (222 лексемы), образуя каузативные оппозиции, наподобие *+rdəxlə* G ‘кипеть’ vs. *+murdəxlə* K ‘кипятить’, *ctəvlə* G ‘писать’ vs. *muctəvlə* K ‘заставлять писать’, *+trəslə* G ‘растолстеть’ vs. *+mutrəslə* K ‘заставить растолстеть (раскормить)’.

Нами было установлено, что глаголов, у которых есть корреляты во всех трех породах в христианском урмийском крайне мало (19 лексем по словарю и еще меньше по данным элицитации). У большинства глаголов каузатив образуется с помощью либо D, либо K-породы. По предварительным данным, подробнее см. [Шведова, в печати], на выбор средства каузативации может влиять тип каузации (контактная vs. дистантная), ср. примеры (10)—(12), полученные нами при работе с носителями.

- (10) *məšxa* *pšər-rə*
 масло(M) таять.G.PST-LS.3M
 ‘Масло растаяло’.

¹³ В других арамейских языках префикс *m-* встречается только в форме причастий и инфинитивов K-породы, но в урмийском он распространился на всю парадигму.

(11) *šəmša* *pušər-ra* / ^{OK}*mupšər-ra* *məšxa*
солнце(F) растопить.**D**.PST-LS.3F растопить.**K**.PST-LS.3F масло(M)
‘Солнце растопило масло’.

(12) *brata* *mupšər-ra* / ^{OK}*pušər-ra*
девушка(F) растопить.**K**.PST-LS.3F растопить.**D**.PST-LS.3F
məšxa
масло(M)
‘Девушка растопила масло’.

Кроме того, может влиять семантика каузируемой ситуации, об этом см. следующий раздел.

Результаты

При элицитации урмийских соответствий для исследуемых каузативно-инхоативных глаголов пять носителей дали почти идентичные ответы. Результаты перевода приводятся в Таблице 19 в Приложении 2, распределение по типам маркирования представляем ниже в Таблице 6.

Таблица 6. Типы формального соотношения каузативно-инхоативных глаголов в христианском урмийском

Тип	Породы	Количество пар	Всего
C	G/D	5	16
	G/K	11	
L	G	8	10
	D	1	
	K	1	
S	G/G	1	1
Всего			27

Супплетивна только одна пара из анкеты: ‘умереть/убить’ *mətlə/+kʰəllə*, что типологически ожидаемо¹⁴. Для четырех пар соответствия получить не удалось. Из оставшихся пар в 16 маркируется **каузативный член**, а в десяти

¹⁴ Например, в выборке [Haspelmath 1993] эти ситуации выражаются супплетивными глаголами в 16 из 21 языков.

используется **лабильный глагол**. Как и ожидалось, если инхоативный глагол относится к G-породе, то его каузативный коррелят гораздо чаще будет относиться к К, чем к D-породе (11 случаев против трех).

Прототипически самопроизвольные ситуации (по шкале самопроизвольности Хаспельмата) выражаются в урмийском парами, где каузативный глагол маркируется показателем К-породы, а инхоативный остается немаркированным: например, *+rdəxlə/+murdəxlə* ‘кипеть/кипятить’. Исключение составляет только пара ‘замерзнуть/заморозить’, в которой используется лабильный глагол К-породы *mugdəllə* (довольно редкий случай: всего в словаре нашлось 15 лабильных глаголов К-породы). Ситуации из противоположного полюса шкалы выражаются лабильными глаголами G-породы: например, *+šmətlə* ‘сломать(-ся)’, *+čləplə* ‘расколоть(-ся)’.

2.5.6. Туройо

Внешние сведения

Туройо (< восточные < новоарамейские) — бесписьменный живой язык, историческим ареалом распространения которого были территории нагорья Тур-Абдин на юго-востоке Турции. В XX в. из-за различных войн и притеснений наблюдалось резкое уменьшение численности арамеоязычных жителей Тур-Абдина и формирование многотысячных диаспор в странах Европы и Америки. По данным сайта Ethnologue, в 2019 году в Турции проживало около 16 600 носителей туройо, сейчас этот язык находится в угрожаемом состоянии.

Средства кодирования актантных дериваций

В туройо сохранились только три «активные» общеарамейские породы (G, D и К), при этом бывшие формы t-пород интересным образом встроились в эту систему: в каждой из исторически «активных» пород выделяют «переходное» и «непереходное» спряжения. Дальнейшее описание опирается в основном на [Коган, Лезов 2009b: 766—773].

- В немаркированной G-породе переходные и непереходные глаголы, как правило, спрягаются по-разному, а именно имеют разные гласные основы и присоединяют разные лично-числовые показатели. Некоторые низкотранзитивные переходные глаголы могут примыкать к «непереходному спряжению».
 - Приведем некоторые примеры этих двух спряжений (в форме претерита 3 л. ед. ч. м. р.): «непереходное спряжение» *gaḥəq* ‘смеяться’, *daməx* ‘спать’, *yaləf* ‘изучать’ vs. «переходное спряжение» *ftəḥle* ‘открывать’, *lqətle* ‘собирать’, *tʃənle* ‘грузить на себя, поднимать’.
 - Кроме того, у переходных глаголов G-породы часто образуется еще одна форма претерита, с основой *qtil*, которая обычно имеет пассивную, декаузативную, рефлексивную или реципрокальную семантику. Ср. корреляты приводившихся выше переходных глаголов: *fih* ‘открыться’, *lqit* ‘собираться’, *tʃino* ‘она забеременела’.
- D-порода образуется с помощью суффикса *m-*, но «вероятно, ее морфологический облик сам по себе не кодирует каких-либо производных значений из семантической области залога и транзитивности» [Коган, Лезов 2009b: 772], т. е. эта модель сильно лексикализована. Многие глаголы «переходного» и «непереходного» спряжения D-породы образуют пары, ср. *msakər* ‘пропадать’ vs. *msakarle* ‘губить’, *mʃaləq* ‘висеть’ vs. *mʃalaqle* ‘вешать’, *mḥayər* ‘злиться’ vs. *ḥayarle* ‘злить’.
- K-порода имеет характерный префикс *ma-* и является регулярным и продуктивным способом образования производных переходных глаголов от непереходных глаголов G-породы:
 - *saləq* ‘подниматься’ > *maslaqle* ‘поднимать’, *aṭi* ‘приходить’ > *maytele* ‘приносить, приводить’, *taʃəb* ‘устанавливать’ > *matʃable* ‘утомлять’.

- Однако есть немало глаголов К-породы, «не включенных в отношения повышающей актантной деривации» (K-tantum), например, *masule* ‘стареть’, *maqraṭle* ‘завтракать’, *maḥšamle* ‘ужинать’, *mabraṭle* ‘блестеть’. В эту же группу попадают многие арабские заимствования [Коган, Лезов 2009b: 771].
- Непереходное спряжение К-породы существует, но эти формы употребляются довольно редко. «Они имеют набор интерпретаций, сравнимый с частными значениями детранзитивных форм I [G] породы, но с заметным преобладанием пассивных прочтений»: *u-bayto maṣmar* ‘Дом был построен’, *maṣmad* ‘он крестился/был крещен’ [Коган, Лезов 2009b: 772].

Мы будем следовать сложившейся традиции описания глагольной системы туройо, несмотря на то что не всегда ясно, чем «переходные» и «непереходные» спряжения принципиально отличаются от традиционных пород. Формат нашего исследования не позволяет останавливаться более подробно на этой теоретической проблеме, требующей отдельного изучения в будущем. Для нынешних целей введем следующие условные обозначения:

Порода	«Непереходное» спряжение	«Переходное» спряжение
G	G(intr)	G(tr)
D	D(intr)	D(tr)
K	K(intr)	K(tr)

Маркированными считаются только D и K-породы, при этом пары глаголов типа *fiḥ* G(intr) ‘открыться’ / *fiḥle* G(tr) ‘открывать’ относятся к эквиполентному типу, так как невозможно определить, какой из коррелятов маркирован.

Результаты

Для сбора данных мы пользовались глагольным словарем туройо, составленным группой московских арамеистов по результатам нескольких

экспедиций в Тур-Абдин [Лезов и др., в печати], переводы каузативно-инхоативных пар представлены в Таблице 20 в Приложении 2. Распределение по типам кодирования можно найти ниже в Таблице 7.

Таблица 7. Типы формального соотношения каузативно-инхоативных глаголов в туройо

Тип	Породы	Количество пар	Всего
C	G/D	3	14
	G/K	11	
L	G	1	2
	K	1	
E	G(intr)/ G(tr)	6	10
	D(intr)/ D(tr)	4	
S	G/G	1	1
Всего			27

Как и ожидалось, самым распространенным способом повышения переходности глагола является **К-порода**, большинство каузативных глаголов из нашей анкеты имеют показатели этой модели. Утрата декаузативных маркеров и встраивание их в систему спряжения активных пород привело к распространению **эквивалентности** — большинство ситуаций из «самопроизвольного» полюса шкалы Хаспельмата выражаются одним глаголом, по-разному спрягающимся в переходном и непереходном употреблениях.

2.5.7. Новомандейский

Внешние сведения

Новомандейский (< восточные < новоарамейские) — живой язык, использующийся членами религиозно-этнической общины мандеев, до недавнего времени проживавших в Иране и Ираке (в районе южной границы). Из-за религиозных преследований мандеи покидали эти территории начиная с XIX в. (по данным Ethnologue, на 2017 год в Иране оставалось всего около ста носителей), в настоящее время наиболее многочисленные диаспоры живут в

Швеции, Австралии и США [Лявданский 2009: 694]. Принято выделять два диалекта новомандейского: диалект г. Ахваз и диалект г. Хорремшехр в провинции Хузестан (Иран).

Новомандейский является единственным живым арамейским языком, прямой предок которого письменно засвидетельствован (классический мандейский). В настоящее время новомандейский находится под угрозой исчезновения: общая численность мандеев в мире не превышает 100 тысяч человек, все носители в основном старше 50 лет. [Лявданский 2009: 693].

Новомандейский язык описан недостаточно: описание новомандейского диалекта г. Ахваз содержится в грамматике классического мандейского [Masuch 1965] в виде заметок. Диалекту г. Хорремшехр посвящена докторская диссертация Ч. Хэберля [Häberl 2009], на которую мы в основном и будем опираться.

Средства кодирования актантных дериваций

Согласно грамматике диалекта Хорремшехр [Häberl 2009], в новомандейском можно выделить следующие породы:

- немаркированная **G**-порода, согласно [Häberl 2009: 200], является основной для большинства глагольных лексем.
- **D**-порода характеризуется удвоением второго корневого согласного, к этому классу могут относиться как переходные, так и непереходные глаголы. Если у глагола есть коррелят в G-породе, то значение D-породы чаще всего связано с увеличением числа аргументов глагола: например, *uāleṗ* G ‘учиться’ vs. *alleṗ* D ‘учить (кого-л.)’, *qəṗā* G ‘читать (что-л.)’ vs. *qarri* D ‘называть (кого-л. кем-л.)’. Из-за недостатка данных сложно судить о продуктивности этой морфологической модели [Häberl 2009: 202], однако, судя по примерам из грамматики, к этому классу относится довольно много глаголов, у которых есть коррелят в G-породе. Более того, по этой модели часто начинают спрягаться заимствованные глаголы.

- Глаголы **К**-породы имеют префикс *a-* и являются в большинстве своем переходными. При наличии коррелята в **G**-породе, глаголы **К**-породы имеют каузативную семантику: *həreb* G ‘разрушаться’ vs. *ahəreb* K ‘разрушать’.
- Кроме того, Ч. Хэберль выделяет отдельную **Q**-породу для четырехсогласных корней, в основном в эту группу попадают заимствованные глаголы.
- Сохранились некоторые реликты **t**-пород, хотя на роль хоть сколько-нибудь регулярной морфологической модели, видимо, претендует только **Gt**-порода (Ч. Хэберлю удалось найти только два глагола, сохранившие формы **Dt**-породы, и один, восходящий к **Kt**-породе). Кроме того, даже в **Gt**-породе префикс *t-* перестал произноситься в большинстве случаев, выпав перед первым согласным корня. Однако глаголы этой породы все равно сохранили отдельный набор словоформ, ср. *etver* Gt ‘разбиться’ vs. *təvar* G ‘разбить’ (где согласный /t/ является частью корня). В большинстве сохранившихся случаев, формы **Gt**-породы характеризуются декаузативной семантикой (Ч. Хэберль описывает ее как медиальный залог).

Результаты

Переводы исследуемых каузативно-инхоативных пар были собраны нами в основном по глоссарию из грамматики [Häberl 2009], так как полноценного словаря новомандейского языка на сегодняшний момент не существует, а возможности поработать с носителями языка у нас не было. В связи с недостатком данных удалось получить сведения только о 18 из 31 глагольной пары, переводы приводятся в Таблице 21 в Приложении 2. Общее распределение по типам маркирования приводим ниже в Таблице 8.

Таблица 8. Типы формального соотношения каузативно-инхоативных глаголов в новомандейском

Тип	Породы	Количество пар	Всего
C	G/K	5	5
A	Gt/G	3	6
	Dt/D	2	
	Kt/K	1	
L	G	2	3
	D	1	
S	G/G, G/K	4	4
Всего			18

Несмотря на то, что t-породы имеют в новомандейском реликтовый характер, **декаузативный тип** кодирования отношений в каузативно-инхоативных парах составляет большинство примеров в нашей выборке. Этот факт требует дальнейшего исследования и объяснения, пока мы вынуждены констатировать, скорее, случайный перекосяк: из тех немногих глаголов, которые сохранили формы, восходящие к Dt и Kt-породам, почти все попали в наш набор (например, *kammar* Dt ‘поворачиваться’).

Интересно, что, как и в классическом мандейском, довольно много значений выражаются супплетивными глаголами. С другой стороны, для новомандейского нам удалось найти переводы всего 18 пар (меньше было только для имперского арамейского), что не позволяет провести качественное сравнение с классическим мандейским, на которое мы рассчитывали изначально, когда включали эти идиомы в выборку.

2.5.8. Язык Маалулы

Внешние сведения

Язык Маалулы (< западные < новоарамейские) — бесписьменный живой арамейский «язык жителей деревни Маалула, расположенной на высоте 1500 м над уровнем моря в горах Каламун в 60 км к северу от Дамаска. Согласно В. Арнольду, зимой число жителей деревни не превышает одной тысячи, однако в летний период оно возрастает до пяти тысяч человек. <...> Помимо

Маалулы, живые западноарамейские диалекты сохраняются в двух близлежащих деревнях — Баха и Джуббадин» [Коган, Лезов 2009: 705]. Все носители сохранившихся западных новоарамейских языков двуязычны и владеют арабским языком, поэтому наблюдается сильное контактное влияние.

Средства кодирования актантных дериваций

В языке Маалулы сохранилось три породы из общеарамейского набора, а также было заимствовано несколько моделей из арабского, по которым могут изменяться и исконные арамейские корни. В грамматике [Arnold 1990] подробно описываются морфологические правила образования форм в разных породах, но совсем не обсуждается семантика, поэтому только кратко перечислим известные факты:

- к немаркированной **G**-породе относятся как переходные, так и непереходные глаголы: например, *išmeʕ* ‘слышать’, *iḏḥek* ‘смеяться’.
- **D**-порода характеризуется удвоением второго корневого согласного: *baššel* ‘готовить’, *ḥammel* ‘грузить’.
- Глаголы **K**-породы имеют префикс *a-*, судя по примерам из грамматики, в этот класс попадают не только каузативные глаголы, но и непереходные предикаты: например, *arkeš* ‘просыпаться’, *aḡrek* ‘засыпать’.

Формы t-пород сохранились лишь у нескольких глаголов: *iččxel* Gt ‘полагаться’, *ičneḥ* Gt ‘отдыхать’, *čzappan* Dt ‘быть проданным’, *ččarnaḥ* Kt ‘быть положенным’ [Коган, Лезов 2009: 720]. Ниже (Рис. 3) представлена схема заимствования арабских пород из [Arnold 2011: 690].

Рис. 3 Схема заимствования арабский пород в западные новоарамейские

Arabic stems which do not correspond to an Aramaic stem are converted in the following way:

stem	Arabic	→	WNA	
III.	<i>šāraṭ</i>	→	<i>šōreṭ</i>	to bet
VI.	<i>tarāfaq</i>	→	<i>črōfek</i>	to join sb
VII.	<i>infaḡar</i>	→	<i>in^ʔfzar</i>	to explode
VIII.	<i>ifāḥam</i>	→	<i>if^ʔčham</i>	to understand
X.	<i>istaqbal</i>	→	<i>sčakbel</i>	to accept

Кроме того, в рамках G-породы некоторые глаголы могут менять свою переходность путем изменения вокализма основы некоторых финитных форм, ср. *infah* ‘надувать’ vs. *infeh* ‘надуваться’, *ihrab* ‘разрушать’ vs. *iħreb* ‘разрушаться, быть разрушенным’, *yičbur* ‘ломать’ vs. *yičbar* ‘ломать(ся)’, *yičluħ* ‘колоть’ vs. *yičlah* ‘колоть(ся)’, однако в целом это явление не столь регулярно, как деление на классы по породам [Коган, Лезов 2009: 720]. В дальнейшем подобные пары будут отнесены нами к эквиполентному типу кодирования каузативно-инхоативной оппозиции, так как в них невозможно определить, какой из двух членов более маркирован.

Результаты

Данные о каузативно-инхоативных парах в языке Маалулы, собранные нами по словарю [Arnold 2019], приводятся в Приложении 2 в Таблице 22, общее распределение по типам маркирования см. ниже в Таблице 9.

Таблица 9. Типы формального соотношения каузативно-инхоативных глаголов в языке Маалулы

Тип	Породы	Количество пар	Всего
C	G/D	6	7
	G/K	1	
A	VII/G	1	2
	Dt/D	1	
L	G	6	12
	D	2	
	K	4	
E	G/G	4	5
	K/D	1	
S	G/G, D/K	3	3
Всего			29

Как и в других новоарамейских языках, в языке Маалулы распространены ненаправленные оппозиции. Большое количество **лабильных** и **эквиполентных глаголов**, очевидно, связано с почти полной утратой декаузативного маркера.

2.6. Анализ данных

2.6.1. Диахронические изменения

В Таблице 10 собраны сведения о распределении типов кодирования каузативно-инхоативных оппозиций в рассмотренных нами арамейских языках с указанием времени бытования идиомов. Полужирным шрифтом выделены значения, которые подтверждают одну из главных тенденций диахронических изменений в арамейских языках: увеличение распространения лабильности в результате утраты декаузативной морфемы.

Таблица 10. Типы кодирования каузативно-инхоативных оппозиций в арамейских языках в диахронической перспективе

Время Тип	V в. до н. э.	III—XIII вв. н. э.			Настоящее время				Всего
	Имп. арам.	Сир.	Манд.	Хр.- пал.	Урм.	Тур.	Ново- манд.	Маал.	
C	3	12	13	10	16	14	5	7	80
A	3	10	7	11	0	0	6	2	39
L	3	5	4	2	10	2	3	12	41
E	0	1	0	2	0	10	0	5	18
S	1	1	5	1	1	1	4	3	17
Всего	10	29	29	26	27	27	18	29	195
% non- dir.	40	24	31	19	41	48	39	69	39

Для начала обратимся к последнему столбцу, содержащему информацию о суммарном количестве глагольных пар, отношения в которых кодируются в арамейских языках тем или иным способом. Мы попытаемся понять, насколько в данном случае оправданно объединение сведений из арамейских языков разных периодов.

- 1) Использование маркированной формы каузатива встречается во всех языках выборки и в целом является самым распространенным типом кодирования отношений в каузативно-инхоативных парах в арамейских языках. Если сравнивать с другими четырьмя типами в таком виде, как

они представлены в Таблице 10, то можно было бы заключить, что арамейские языки относятся к транзитивизирующим (*transitivizing*) языкам в терминах [Nichols et al. 2004], то есть что они склонны к лексикализации «простых» (инхоативных) значений, а каузативные глаголы в них являются производными.

- 2) Однако если объединить последние три типа (лабильность, эквиполентность и супплетивизм) в один как ненаправленные оппозиции, то оказывается, что в этот класс попадает сопоставимое количество исследуемых глагольных пар (76 против 80 каузативного типа).
- 3) Если объединить каузатив и декаузатив в единый тип направленных оппозиций, то можно было бы заключить, что направленные оппозиции более распространены в арамейских языках, чем ненаправленные (119 против 76 пар).

При более детальном рассмотрении становится понятно, что спекуляции на тему склонности всей группы арамейских языков к тому или иному способу организации глагольной лексики едва ли могут быть оправданы в принципе. Как известно, в большинстве новоарамейских языков был утрачен декаузативный показатель (а где сохранился, он имеет реликтовый характер и не является продуктивным морфологическим средством). В предыдущих разделах, касающихся описания конкретных языков, мы упоминали, что в большинстве случаев эта утрата «компенсируется» путем увеличения числа ненаправленных оппозиций. Даже при беглом взгляде на Таблицу 10 видно, что распределение в старо- и среднеарамейских языках сильно различается, поэтому в данном случае обоснованным кажется анализировать арамейские языки не как единую группу, а с разделением по периодам, см. Таблицу 11.

Таблица 11. Типы кодирования каузативно-инхоативных оппозиций в старо-/среднеарамейских языках в сопоставлении с новоарамейскими

	Старо- и среднеарамейские	Новоарамейские
С	38	42
А	31	8
Л	14	27
Е	3	15
С	8	9
Всего	94	101

Каузативное маркирование оказывается диахронически стабильным и на протяжении всей истории арамейских языков, действительно, играет важную роль в организации лексикона. Однако в остальном арамейские языки претерпели колоссальные изменения в системе кодирования каузативно-инхоативных оппозиций. В арамейских языках, использовавшихся с V в. до н. э. до XIII в. н. э., декаузативное маркирование было сопоставимо по распространенности и продуктивности с каузативным, а ненаправленные оппозиции присутствовали только на периферии системы. В новоарамейских языках ненаправленные оппозиции начинают преобладать, в некоторых случаях заменяя не только декаузативное, но и каузативное маркирование (хотя оно и не утрачено)¹⁵. Ниже мы обсудим влияние генеалогических и ареальных факторов на устройство глагольных систем арамейских языков.

2.6.2. Генеалогическая классификация

Напомним, что классификация арамейских языков строится не только по хронологическому, но и по генеалогическому принципам. На основании последнего все арамейские языки делятся на западные и восточные. Однако при анализе организации каузативно-инхоативных пар этот принцип едва ли играет важную роль, для обоснования этого тезиса рассмотрим Таблицу 12.

¹⁵ В реальности ненаправленные оппозиции могут быть распространены даже больше, чем следует из наших данных, если учесть, что в большинстве новоарамейских языков D-порода не является по-настоящему продуктивным морфологическим средством и что относить глаголы типа урмийских *bšalla* G 'вариться' vs. *bušalla* D 'варить' к каузативному типу можно лишь с некоторой долей условности.

Таблица 12. Типы кодирования каузативно-инхоативных оппозиций в западных и восточных арамейских языках

Тип	Западные арамейские		Восточные арамейские	
	N	%	N	%
C	20	31	60	46
A	16	25	23	18
L	17	26	24	18
E	7	11	11	8
S	5	8	12	9
Всего	65	100	130	100

Как обсуждалось выше в разделе 2.1, в нашу выборку вошли три западных арамейских языка (имперский арамейский, христианский палестинский и язык Маалулы) и пять восточных (классический сирийский, классический мандейский, христианский урмийский, туройо и новомандейский). В связи с разным количеством языков, а следовательно, и числа собранных переводов каузативно-инхоативных глаголов, более обоснованным представляется сравнивать не «сырые» значения, а процентное соотношение типов маркирования в языках разных ветвей. Никаких ярких особенностей распределения типов кодирования отношений в каузативно-инхоативных парах, которые отличали бы западные арамейские языки от восточных, не наблюдается. Следовательно, по крайней мере при анализе структуры глагольного словаря генетическая классификация не является решающим фактором, влияющим на устройство системы языка.

2.6.3. Ареальные факторы

В результате анализа данных об организации каузативно-инхоативных оппозиций в арамейских языках в диахронической перспективе было эмпирически подтверждено, что:

- 1) каузативное маркирование довольно стабильно и сохраняется на протяжении всей истории развития арамейских языков;

2) после утраты специализированной декаузативной морфемы в новоарамейских языках растет число лабильных и эквиполентных глаголов.

Мы предполагаем, что влияние на эти диахронические изменения могли оказать ареальные факторы. На протяжении последнего тысячелетия новоарамейские языки находились в тесном контакте с несколькими языками, а именно:

- с арабским (справедливо для всех новоарамейских языков, а в особенной степени для западных новоарамейских, большинство носителей которых двуязычны);
- с тюркскими (турецкий и азербайджанский для христианского урмийского [Khan 2016: 434—436], для остальных новоарамейских, скорее, несильное влияние [Коган, Лезов 2009b: 804]);
- с иранскими (персидский и курдский для христианского урмийского [Khan 2016: 37—38], персидский для новомандейского [Лявданский 2009: 703], курдский для туройо [Коган, Лезов 2009b: 803]).

На сайте проекта WATP доступна информация об организации каузативно-инхоативных пар в трех из перечисленных языков — арабском, турецком и персидском, приведем данные о распределении в процентном соотношении в Таблице 13 (с указанием доли ненаправленных оппозиций).

Таблица 13. Типы кодирования каузативно-инхоативных оппозиций в соседних с арамейскими языках (в %, данные из WATP)

Тип	Арабский	Турецкий	Персидский
C	27,4	54,3	12,9
A	54,8	35,5	7
L	3,2	0	11,3
E	9,7	10,2	63,4
S	4,8	0	5,4
% non-dir.	17,7	10,2	80,1

Для наглядности продублируем в Таблице 14 обсуждавшиеся выше данные новоарамейских языков, переводя количество пар в проценты от общего числа пар.

Таблица 14. Типы кодирования каузативно-инхоативных оппозиций в новоарамейских языках (%)

	Урмийский	Туройо	Новомандейский	Маалулы
C	59	52	28	24
A	0	0	33	7
L	37	7	17	41
E	0	37	0	17
S	4	4	22	10
% non-dir.	41	48	39	69

На основании этих данных можно выдвинуть несколько гипотез о возможном контактном влиянии:

1. Контакты с **турецким** языком могли способствовать сохранению каузативного маркирования. В грамматике **христианского урмийского** [Khan 2016: 434] отмечается, что рост продуктивности К-породы и возможность образовывать по этой модели каузативы даже от переходных глаголов в урмийском, вероятно, связаны с влиянием турецкого и азербайджанского языков, в которых есть продуктивный морфологический каузатив. Наши данные также служат аргументом в пользу этой гипотезы. В описании **туройо** [Коган, Лезов 2009b: 804] упоминается, что «Ввиду сильной изоляции Юго-Восточной Анатолии от остальной части Турции контакты между Т[уройо] я[зыком] и турецким языком вплоть до недавнего времени были очень незначительными», поэтому мы пока не беремся постулировать влияние турецкого на сохранение каузативного маркирования в туройо.
2. Структурное влияние **персидского** языка, в котором преобладают ненаправленные оппозиции, прослеживается для **христианского урмийского** и **новомандейского**. К сожалению, у нас нет данных про организацию каузативно-инхоативных пар в **курдском** языке, который

оказал сильное влияние на **туройо**. Возможно, это влияние могло бы объяснить, в частности, большое количество ненаправленных оппозиций в туройо.

3. Влияние **арабского** ожидалось в большей степени для языка **Маалулы**, однако, не удалось выявить его на структурном уровне. В систему было заимствовано несколько арабских пород, в частности VII и VIII пассивные породы, но это сильно не повлияло на общее распределение, по крайней мере в нашем наборе каузативно-инхоативных пар.

Таким образом, в распределении по типам кодирования каузативно-инхоативных оппозиций в нескольких рассмотренных новоарамейских языках прослеживаются ареальные черты. В некоторых случаях наблюдаются нетривиальные явления: там, где выявлено сильное влияние на лексику (например, влияние арабского на язык Маалулы), не прослеживается структурного влияния, и наоборот (ср. влияние турецкого на систему туройо).

2.6.4. Влияние семантики ситуации на тип кодирования оппозиции

В типологической литературе неоднократно отмечалось, что на организацию каузативно-инхоативных пар может влиять не только тип языка, но и семантика предиката, в первой части мы уже упоминали работы [Недялков 1969; Haspelmath 1993, 2016; Nichols et al. 2004; и др.]. Было установлено, что в языках мира определенные значения тяготеют к определенному типу выражения. Предшествующие исследования проводились на материале гораздо большего количества языков, чем входило в нашу выборку, поэтому мы не претендуем на выявление новых общезыковых закономерностей. Интересно, однако, посмотреть, как арамейские языки встраиваются в общетипологический контекст. Данные о распределении исследуемых значений по типам выражения оппозиции в рассмотренных арамейских языках представлены в Таблице 23 в Приложении 3. Глаголы, как и в других таблицах в этой работе, расположены в соответствии с их условным номером на шкале самопроизвольности, то есть

по убыванию отношения частоты каузативного маркирования к декаузативному в языках выборки, использовавшейся в [Haspelmath 1993]. Перечислим замеченные нами особенности поведения глаголов, отталкиваясь от полученного распределения.

- 1) **Лабильный глагол** используется во всех или в большинстве языков нашей выборки для выражения двух пар ситуаций: **‘начаться/начать’** (7 из 7 языков, для которых удалось получить данные) и **‘наполниться/наполнить’** (6 из 8 языков). Один из этих фактов соответствует типологическим ожиданиям: по результатам исследований и на выборке из 21 языка [Haspelmath 1993], и на выборке из 61 языка (проект WATP), ситуация **‘начать(-ся)’** является единственной из 31 изучаемой пары значений, для выражения которой лабильность используется чаще, чем остальные типы кодирования. В работе [Летучий 2005] подробно обсуждается склонность фазовых глаголов к лабильности, в частности отмечается, что «глаголы этого класса проявляют лабильность не только в языках с большим количеством лабильных глаголов <...> но и в системах со средним (болгарский) и даже с малым количеством лабильных глаголов» [Летучий 2005: 60]. В работе А. Б. Летучего этот факт объясняется **отклонением от прототипа переходности** (по целому ряду свойств размывается четкое противопоставление между Агенсом и Пациенсом). Лабильность глагола **‘наполнять(-ся)’** же, скорее, является идиосинкратической чертой арамейских языков, причем диахронически устойчивой.
- 2) **Каузативный глагол** является производным от инхоативного во всех или в большинстве языков выборки при выражении следующих значений: **‘кипеть/кипятить’** (4 из 6 языков), **‘сохнуть/сушить’** (6 из 6), **‘гаснуть/гасить’** (6 из 7), **‘утонуть/утопить’** (6 из 6), **‘учиться/учить’** (6 из 7), **‘растопиться/растопить’** (6 из 7), **‘раствориться/растворить’** (4 из 6), **‘гореть/жечь’** (5 из 8), **‘кончиться/кончить’** (6 из 7), **‘теряться/терять’** (6 из 7),

‘подняться/поднять’ (6 из 8). С одной стороны, можно предположить, что это и есть наиболее «самопроизвольные» ситуации, которые легко концептуализируются как возникающие без внешнего воздействия. С другой стороны, мало оснований объединять их в какой-то один естественный класс, учитывая, что в него не попали другие значения, которые в языках мира обычно склонны лексикализировываться как непроизводные: например, **‘проснуться/будить’** или **‘остановиться/остановить’**.

- 3) Пара значений **‘замерзнуть/заморозить’** нетривиальным образом выражается в классическом сирийском и христианском урмийском — там используется **лабильный глагол в каузативной породе**. Вероятно, это связано с особенностями климата и одинаково редкой необходимостью описывать и инхоативную, и каузативную ситуации.
- 4) Каузативный глагол не является производным ни в одном языке выборки, а используется **декаузативная морфема** или **ненаправленные оппозиции** в следующих парах: **‘распространиться/распространить’**, **‘катиться/катить’**, **‘открыться/открыть’**, **‘ломаться/ломать’**, **‘закраться/закрывать’**, **‘расколоться/расколоть’**. Это типологически ожидаемо, так как все перечисленные глаголы располагаются на «непроизвольном» полюсе шкалы, в языках мира в таких парах с наибольшей вероятностью каузативный член является непроизводным.
- 5) Значение **‘умереть/убить’** во всех языках выборки выражается **супплетивно**, что также отвечает типологическим ожиданиям¹⁶.

Таким образом, арамейские языки в целом ожидаемым образом встраиваются в типологический контекст. Значения, располагающиеся на полюсах шкалы самопроизвольности, демонстрируют сильную склонность к определенному выражению: в «прототипически самопроизвольных»

¹⁶ Ср. [Haspelmath 1993: 106]: «It seems that the enormous social and moral significance of the difference between spontaneous dying and agentive killing has to be taken into account in order to understand why so many languages allow themselves the luxury of different roots for these two events».

ситуациях маркируется каузативный глагол, а для выражения ситуаций из другого полюса шкалы используется декаузативная морфема или ненаправленные оппозиции. Однако если говорить о значениях, которые условно располагаются на середине шкалы, то на выбор средства их выражения в арамейских языках, скорее, влияют идиосинкратические особенности и языковые контакты.

Заключение

В настоящей работе мы попытались дать систематическое описание организации каузативно-инхоативных пар в арамейских языках. В первой части обсуждались теоретические предпосылки исследования, по большей части внимание было уделено типологическим описаниям и функциональным объяснениям, но упомянуты и некоторые генеративные теории. Кроме того, описан типологический инвентарь средств выражения каузативных оппозиций.

Во второй части работы в типологическо-диахронической перспективе анализируются глагольные системы арамейских языков разных периодов. В результате сравнения структурных особенностей кодирования каузативно-инхоативных пар в восьми арамейских языках, вошедших в нашу выборку, можно сделать следующие выводы.

1. Эмпирически подтвердились утверждения о том, что главные диахронические изменения шли по направлению утраты декаузативного маркирования в пользу ненаправленных оппозиций. При этом каузативное маркирование сохранило продуктивность во всех новоарамейских языках выборки.
2. В целом в арамейских языках на способ маркирования каузативных оппозиций влияет такая семантическая характеристика ситуации, как степень самопроизвольности. Однако, как и в языках мира вообще, корреляция не является жесткой и проявляется только на полюсах шкалы. Можно заключить, что глаголы со значениями типа 'кипеть/кипятить' и 'сохнуть/сушить', с одной стороны, и 'закрыть(-ся)' и 'расколоть(-ся)' — с другой, образуют некоторые кластеры значений, которые важны для анализа морфологии арамейских языков. Однако для значений, условно говоря, из середины шкалы, в большинстве случаев не удастся точно предсказать их морфологическую форму, так как, помимо семантики ситуации, надо учитывать такие факторы, как

языковые контакты и особенности исторического развития конкретной языковой системы.

3. В новоарамейских языках широкий класс лабильных глаголов можно условно разделить на два пласта. С одной стороны, сохраняется «старая лабильность», так как есть пары значений, которые стабильно кодировались в арамейских языках лабильным глаголом на протяжении двух тысяч лет. В нашу выборку вошло два таких глагола, ‘начинать(-ся)’ и ‘наполнять(-ся)’, дальнейшие исследования данной темы, очевидно, могли бы расширить этот список. С другой стороны, в новоарамейских языках сформировалась «новая лабильность», которая занимает нишу, типологически ассоциирующуюся с понижающей актантной деривацией.
4. При описании диахронических изменений в глагольных системах арамейских языков, вероятно, следует ориентироваться больше на влияние конвергентных процессов, чем на генеалогические единства. На системы кодирования каузативных оппозиций в новоарамейских языках сильное влияние оказали языковые контакты, причем такое структурное влияние наблюдается даже в тех случаях, когда заимствованной лексики фиксируется сравнительно немного.

Мы надеемся, что наше пилотное исследование в будущем будет продолжено, расширять его можно как путем увеличения рассматриваемых идиомов, так и за счет стремления к более детальному описанию глагольных систем. Например, требуется, как минимум, составление адекватных описаний феномена лабильности в старо- и среднеарамейских языках, разработка критериев различения пассивных и декаузативных употреблений глаголов в т-породах, внесение терминологической ясности для четкого разграничения терминов «порода» и «спряжение», сбор сведений о контактных влияниях на другие подсистемы арамейских языков.

Список сокращений

Имп. арам.	имперский арамейский
Маал.	язык Маалулы
Манд.	классический мандейский
Ново-манд.	новомандейский
РБО	Российское библейское общество
Сир.	классический сирийский
Тур.	туройо
Урм.	христианский урмийский
Хр.-пал.	христианский палестинский
З	3 лицо
I	первая порода (G)
II	вторая порода (D)
III	третья порода (K)
A	декаузатив
C	каузатив
D	D-порода
Dt	Dt-порода
E	эквиполентность
F	женский род
G	G-порода
Gt	Gt-порода
IMPF	имперфект
K	K-порода
Kt	Kt-порода
L	лабильность
LS	суффиксы L-серии
M	мужской род
non-dir.	ненаправленные оппозиции
OBJ	глагольный маркер прямого объекта

PRF	перфект
PST	прошедшее время
Q	Q-порода
Qt	Qt-порода
S	супплетивизм
SG	единственное число

Список литературы

Словари

1. Arnold W. Das Neuwestaramäische. Teil VI: Wörterbuch. Wiesbaden : Harrassowitz, 2019. 1018 S.
2. Cowley A. E. Aramaic papyri of the fifth century B.C. Oxford : Clarendon Press, 1923. 366 p.
3. Drower E. S. A Mandaic dictionary. Oxford : Clarendon Press, 1963. 514 p.
4. Hoftijzer J., Jongeling K. Dictionary of the North-West Semitic. Leiden, New York, Köln : Brill, 1995. Vol. 1—2. 1269 p.
5. Kaufman S. A. et al. The Comprehensive Aramaic Lexicon [Электронный ресурс]. URL: <http://cal.huc.edu>. (Дата последнего обращения: 01.05.2022).
6. Payne Smith J. A Compendious Syriac Dictionary. Oxford : Clarendon Press, 1903. 627 p.
7. Sokoloff M. A Dictionary of Christian Palestinian Aramaic. Leuven, Paris, Walpole, MA : Peeters, 2014. 508 p.
8. Sokoloff M. A Syriac Lexicon: A Translation from the Latin, Correction, Expansion, and Update of C. Brockelmann's Lexicon Syriacum. Winona Lake, Ind.: Eisenbrauns, Piscataway, N.J : Gorgias Press, 2009. 1744 p.

Грамматики

1. Arnold W. Das Neuwestaramäische: Grammatik. Wiesbaden : Harrassowitz., 1990. 436 S.

2. Arnold W. Western Neo-Aramaic // *The Semitic Languages: An International Handbook* / ed. by Weninger S.; in collaboration with Khan G., Streck M. P., Watson J. C. E. Berlin, Boston : De Gruyter Mouton, 2011. Pp. 685–696.
3. Burtea B. Mandaic // *The Semitic Languages: An International Handbook* / ed. by Weninger S.; in collaboration with Khan G., Streck M. P., Watson J. C. E. Berlin, Boston : De Gruyter Mouton, 2011. Pp. 670–685.
4. Häberl C. G. *The Neo-Mandaic Dialect of Khorramshahr*. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2009. 409 p.
5. Macuch R. *Handbook of Classical and Modern Mandaic*. Berlin : De Gruyter, 1965. 649 p.
6. Macuch R. *Neumandäische Texte im dialekt von Ahwaz*. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 1993. 444 S.
7. Müller-Kessler C. *Grammatik des Christlich-Palästinisch-Aramäischen: Schriftlehre, Lautlehre, Formenlehre*. Hildesheim : G. Olms, 1991. 400 S.
8. Muraoka T. *Classical Syriac: A Basic Grammar with a Chrestomathy*, 2nd rev. ed. Wiesbaden : Harrassowitz, 2005. 244 p.
9. Muraoka T., Porten B. *A Grammar of Egyptian Aramaic*, 2nd rev. ed. Leiden, Boston : Brill, 2003 (1998). 416 p.

Исследования

1. Аркадьев П. М., Летучий А. Б. Деривации антипассивной зоны в адыгейском языке // *Исследования по глагольной деривации* / под ред. Плунгян В. А., Татевосов С. Г. М. : Языки славянских культур, 2008. С. 77—102.
2. Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках: сборник статей / Отв. Ред. Сай С. С. СПб. : ИЛИ РАН, 2018. 624 с.
3. Даниэль М. А., Майсак Т. А., Мерданова С. Р. Каузатив в агульском языке: способы выражения и семантические контрасты // *Исследования по глагольной деривации* / под ред. Плунгян В.А., Татевосов С.Г. М. : Языки славянских культур, 2008. С. 19—46.

4. Дьячков В. В. Типология деадъективных глаголов. [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. фил. наук. / Дьячков Вадим Викторович. М. : ИЯ РАН, 2019.
5. Коган Л. Е. Семитские языки // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. Институт языкознания РАН. / Ред. колл.: А.Г. Белова, Л. Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова. М. : Academia, 2009. С. 15—113.
6. Коган Л. Е., Лёзов С. В. Маалулы язык // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. Институт языкознания РАН. / Ред. колл.: А.Г. Белова, Л. Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова. М. : Academia, 2009. С. 705—751.
7. Коган, Л. Е., Лёзов С. В. Туройо. // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. Институт языкознания РАН. / Ред. колл.: А.Г. Белова, Л. Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова. М. : Academia, 2009. С. 751—806.
8. Лёзов С.В. Арамейские языки // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. Институт языкознания РАН. / Ред. колл.: А.Г. Белова, Л. Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова. М. : Academia, 2009. С. 414—496.
9. Лёзов С.В. Имперский арамейский язык // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. Институт языкознания РАН. / Ред. колл.: А.Г. Белова, Л. Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова. М. : Academia, 2009. С.496—531.
10. Лёзов С.В. Классический сирийский язык // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. Институт языкознания РАН. / Ред. колл.: А.Г. Белова, Л. Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова. М. : Academia, 2009. С. 562—626.
11. Летучий А. Б. Непрототипическая переходность и лабильность: фазовые лабильные глаголы // Вопросы языкознания. № 4. М. : Издательство РАН, 2005. С. 57—75.

12. Лютикова Е.А., Татевосов С.Г., Иванов М.Ю., Пазельская А.Г., Шлуинский А.Б. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М. : ИМЛИ РАН, 2006. 464 с.
13. Лявданский А. К. Новоарамейские языки // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. Институт языкознания РАН. / Ред. колл.: А.Г. Белова, Л. Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова. М. : Academia, 2009. С. 660—693.
14. Лявданский А. К. Новомандейский язык // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. Институт языкознания РАН. / Ред. колл.: А.Г. Белова, Л. Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова. М. : Academia, 2009. С. 693—705.
15. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Том II: пер. с франц. В.А. Плунгяна. / Общ. редакция Н.В. Перцова и Е.Н. Саввиной. Москва, Вена : «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1998. 544 с.
16. Недялков В. П. Некоторые вероятностные универсалии в глагольном словообразовании // Языковые универсалии и лингвистическая типология / под ред. И. Ф. Вардуль. М. : Наука, 1969. С. 106—114.
17. Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология морфологического и лексического каузативов // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / под ред. А. А. Холодович. Ленинград : Наука, 1969. С. 20—50.
18. Немировская А.В. Иудейско-палестинский арамейский язык // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. Институт языкознания РАН. / Ред. колл.: А.Г. Белова, Л. Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова. М. : Academia, 2009. С. 626—660.
19. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М. : Изд-во РГГУ, 2011. 672 с.
20. Alexiadou A., Anagnostopoulou E. Voice morphology in the Causative-Inchoative alternation: Evidence for a non-unified structural analysis of

- unaccusatives. // *The Unaccusativity Puzzle: Explorations of the Syntax-Lexicon Interface* / ed. by Alexiadou A., Anagnostopoulou E., Everaert M. Oxford : Oxford University Press, 2004. Pp. 114—136.
21. Arkadiev P. From transitivity to aspect: the causative-inchoative alternation and its extensions in Lithuanian // *Baltic Linguistics* 4, 2013. Pp. 39—77.
22. Beyer K. Die Aussprache des christlich-palästinischen Aramäisch — zur neuen Grammatik von Christa Müller-Kessler // *Journal of Semitic Studies* 40, Oxford Univ. Press, 1995. S. 241—257.
23. Borer H. The Causative-Inchoative alternation: A case study in parallel morphology // *The Linguistic Review* 8, 1991. Pp. 119—158.
24. Changing valency. Case studies in transitivity / ed. by Aikhenvald A., Dixon R.M.W. Cambridge, 2000. 413 p.
25. Comrie B. Causative Verb Formation and Other Verb-deriving Morphology // *Language Typology and Syntactic Description. Vol. 3.* / ed. by Shopen T. Cambridge : Cambridge University, 1985. Pp. 309—348.
26. Comrie B. Transitivity pairs, markedness, and diachronic stability // *Linguistics* 44.2 (Special issue: Operations on Argument Structure) / ed. by D. Hole and P. Siemund. Berlin : Mouton de Gruyter, 2006. Pp. 303—318.
27. Creissels D. P-lability and radical P-alignment // *Linguistics*, vol. 52, no. 4, 2014. Pp. 911—944.
28. Doron E. Agency and Voice: The Semantics of the Semitic Templates // *Natural Language Semantics*, vol. 11, no. 1. Kluwer Academic Publisher, 2003. Pp. 1—67.
29. Farina M. An Outline of Middle Voice in Syriac: Evidences of a Linguistic Category. Piscataway, NJ, USA : Gorgias Press, 2011. 161 pp.
30. Fillmore C. The grammar of hitting and breaking // *Readings in English transformational grammar* / ed. by Jacobs R. & Rosenbaum P. S. Waltham, MA : Ginn, 1970. Pp. 120—133.
31. Fodor J. A. Three reasons for not deriving “kill” from “cause to die” // *Linguistic Inquiry*, 1(4), 1970. Pp. 429—438.

32. Göransson K. Causative-Inchoative Alternation In North-Eastern Neo-Aramaic // *Neo-Aramaic and its Linguistic Context* / ed. by Napiorkowska L., Khan G. New Jersey : Gorgias Press, 2015. Pp. 207–231.
33. Hale K., Keyser S. J. Prolegomenon to a theory of argument structure. Cambridge (MASS) : MIT Press, 2002. 296 p.
34. Haspelmath M. et al. Coding causal–noncausal verb alternations: A form–frequency correspondence explanation // *Journal of Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. Vol. 50. № 3. Pp. 587–625.
35. Haspelmath M. More on the typology of inchoative/causative verb alternations // *Causatives and Transitivity Studies in Language Companion Series* / ed. by Comrie B., Polinsky M. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 1993. Pp. 87–120.
36. Haspelmath M. Universals of causative and anticausative verb formation and the spontaneity scale // *The Poznań Society for the Advancement of Arts and Sciences*, 2016. Pp. 33-63.
37. Hopper P. J., Thompson S. A. Transitivity in Grammar and Discourse // *Language*, 56(2), 1980. Pp. 251–299.
38. Khan G. Causative Constructions in Neo-Aramaic (Christian Urmi Dialect) // *Arabic and Semitic Linguistics Contextualized: A Festschrift for Jan Retsö* / ed. by Lutz Edzard. Wiesbaden : Harrassowitz, 2015. Pp. 506—530.
39. Khan G. *The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi*. Leiden; Boston : Brill, 2016. 4 vols.
40. Levin B. Semantics and Pragmatics of Argument Alternations // *Annual Review of Linguistics*, Vol. 1, Issue 1, 2015. Pp. 63—83.
41. Levin B., Rappaport Hovav M. *Unaccusativity: At the syntax-lexical semantics interface*. Cambridge, MA : MIT Press, 1995. Pp. XIII + 336.
42. *Lexical Semantics, Syntax, and Event Structure* / ed. by Rappaport Hovav M., Doron E., Sichel I. Oxford : Oxford University Press, 2010. 424 p.
43. Marantz A. No Escape from Syntax: Don't Try Morphological Analysis in the Privacy of Your Own Lexicon // *Proceedings of the 21st Annual Penn Linguistics*

- Colloquium (University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics 4.2) / ed. by Dimitriadis A., Siegel L. et al. University of Pennsylvania, 1997. Pp. 201—225.
44. Nichols J. et al. Transitivity and detransitivizing languages // *Linguistic Typology* 8(2), 2004. Pp. 149—211.
45. Piñón C. A finer look at the causative-inchoative alternation // *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory* 11. Ithaca, NY : Cornell Linguistics Circle. 2001. Pp. 346—364.
46. Pylkkanen L. *Introducing Arguments*: Ph.D. dissertation. MIT, 2002. 137 p.
47. Rappaport Hovav M, Levin B. Lexicon uniformity and the causative alternation. // *The Theta System: Argument Structure at the Interface* / ed. by Everaert M., Marelj M., Siloni T. Oxford : Oxford University Press, 2012. Pp. 150—76.
48. Rappaport Hovav M. Lexical content and context: The causative alternation in English revisited // *Lingua*, 2014. No. 141. Pp. 8–29.
49. *The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation* / ed. by Shibatani M. Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2002. 551 p.
50. *The World Atlas of Transitivity Pairs* (2014). Tokyo : National Institute for Japanese Language and Linguistics. [Электронный ресурс]. URL: <http://verbpairmap.ninjal.ac.jp>. Дата обращения: 01.03.2022.
51. Tubino-Blanco M. *Causative/Inchoative in Morphology* // *Oxford Research Encyclopedia of Linguistics*. Oxford : Oxford University Press, 2020.

Приложение 1

Анкета для элицитации

1. Его сын рано проснулся.
2. Отец рано разбудил сына.
3. Палка сломалась.
4. Мальчик сломал палку.
5. Его дом сгорел.
6. Враги сожгли его дом.
7. Тот человек умер.
8. Разбойники убили того человека.
9. Окно открылось.
10. Женщина открыла окно.
11. Дверь закрылась.
12. Хозяин дома закрыл дверь.
13. Сражение началось.
14. Командир начал сражение.
15. Ребенок учится писать.
16. Брат учит сестру писать.
17. В доме собралась вся семья.
18. Отец собрал всю семью в доме.
19. Кольцо утонуло в реке.
20. Девушка утопила свое кольцо в реке.
21. Законы поменялись.
22. Власти поменяли законы.
23. Масло растопилось.
24. Девушка растопила масло.
25. Солнце растопило масло.
26. Дом разрушился.
27. Разбойники разрушили дом.
28. Его ключи потерялись.
29. Он потерял свои ключи.
30. Вода закипела.
31. Девушка вскипятила воду.
32. Колыбель качалась.
33. Мать качала колыбель.
34. Костер потух.
35. Люди потушили костер.
36. Дым поднимался вверх.
37. Ветер поднимал листья с земли.
38. Урок закончился рано.
39. Учитель рано закончил урок.
40. Ключ повернулся в замке.
41. Мужчина повернул ключ в замке.
42. Мяч покатился по земле.
43. Ребенок катал мяч.
44. Мясо заморозилось.
45. Женщина заморозила мясо.
46. Лекарство растворилось в воде.
47. Врач растворил лекарство в воде.
48. Колодец наполнился водой.
49. Девушка наполнила ведро водой.
50. Пшеница высохла.
51. Люди высушили пшеницу.
52. Полено расколосось.
53. Мужчина расколол полено топором.
54. Телега остановилась около дома.
55. Человек остановил телегу около дома.

Приложение 2

Таблица 15. Каузативно-инхоативные пары в имперском арамейском

№ (на шкале)	Значение	Глагол	Иhx.	Кауз.	Тип
1	boil (intr./tr.)	ʔ/bšl	-	G/D?	?
5	die/kill	myt/qṭl	G	G	S
6	go out/put out	dšk/ʔ	G	-	?
8	learn/teach	ʔ/ḥkm	-	D	?
10	stop (intr./tr.)	šly/ʔ	G	-	?
13	burn (intr./tr.)	yqd/ʔ	G	-	?
14	be destroyed/destroy	mḥbl/ḥbl	Dpass	D	A
15	fill (intr./tr.)	mlʔ	G	G	L
18	spread (intr./tr.)	ʔ/bdr	-	D	?
21	get lost/lose	ʔbd/hwbd	G	K	C
22	rise/raise	qm/hqym	G	K	C
23	improve (intr./tr.)	ʔ/hṭb	-	K	?
26	change (intr./tr.)	ʔštny/šny	Dt	D	A
27	gather (intr./tr.)	ʔtknš/knš	Dt	D	A
28	open (intr./tr.)	ʔ/pṭḥ	-	G	?
29	break (intr./tr.)	ʔ/tbr	-	G	?
30	close (intr./tr.)	ʔḥd	G	G	L
31	split (intr./tr.)	ʔ/šlh	-	D	?

Таблица 16. Каузативно-инхоативные пары в классическом сирийском

№ (на шкале)	Значение	Глагол	Иhx.	Казз.	Тип
1	boil (intr./tr.)	rtah/?artaḥ	G	K	C
2	freeze (intr./tr.)	?aḡled (intr./tr.)	K	K	L
3	dry (intr./tr.)	yibeš/?awbeš	G	K	C
4	wake up (intr./tr.)	?et(t)ṣir/?aṣir	Kt	K	A
5	die/kill	miṭ/qṭal	G	G	S
6	go out/put out	dṣek/daṣek	G	D	C
7	sink (intr./tr.)	ṭbaṣ/ṭabbaṣ	G	D	C
8	learn/teach	yilef/?allef	G	D	C
9	melt (intr./tr.)	pšar/paššar	G	D	C
10	stop (intr./tr.)	šli (intr./tr.)	G	G	L
11	turn (intr./tr.)	?etpni/?afni	Gt	K	E
12	dissolve (intr./tr.)	pšar/paššar	G	D	C
13	burn (intr./tr.)	yiqed/?awqed	G	K	C
14	be destroyed/destroy	?eṭḥabbal/ḥabbel	Dt	D	A
15	fill (intr./tr.)	mlā (intr./tr.)	G	G	L
16	finish (intr./tr.)	šlem/šallem	G	D	C
17	begin (intr./tr.)	šari (intr./tr.)	D	D	L
18	spread (intr./tr.)	pras (intr./tr.)	G	G	L
19	roll (intr./tr.)	?ṭṣargal/ṣargel	tQ	Q	A
20	develop (intr./tr.)	-	-	-	-
21	get lost/lose	?ebaḍ/?aḍed	G	K	C
22	rise/raise	?eṭ(t)rim/?arim	Kt	K	A
23	improve (intr./tr.)	šfar/?ašfar	G	K	C
24	rock (intr./tr.)	zāṣ/?aziṣ	G	K	C
25	connect (intr./tr.)	-	-	-	-
26	change (intr./tr.)	?eštaḥlaf/šahlef	Qt	Q	A
27	gather (intr./tr.)	?eṭkannaš/kanneš	Dt	D	A
28	open (intr./tr.)	?eṭptaḥ/ptaḥ	Gt	G	A
29	break (intr./tr.)	?eṭṭbar/tbar	Gt	G	A
30	close (intr./tr.)	?eṭṭhed/?eḥad	Gt	G	A
31	split (intr./tr.)	?eṣṭallaḥi/šallaḥ	Dt	D	A

Таблица 17. Каузативно-инхоативные пары в классическом мандейском

№ (на шкале)	Значение	Глагол	Иhx.	Кауз.	Тип
1	boil (intr./tr.)	bšil/bašil	G	D	C
2	freeze (intr./tr.)	msa/amsa	G	K	C
3	dry (intr./tr.)	ʕbiš/yabiš	G	D	C
4	wake up (intr./tr.)	ʕtar/air	G	D	S
5	die/kill	mit/gʕal	G	G	S
6	go out/put out	dak/dahak	G	D	C
7	sink (intr./tr.)	ʕba/ʕaba	G	D	C
8	learn/teach	ʕlip/alip	G	D	C
9	melt (intr./tr.)	pšar/pašir	G	D	C
10	stop (intr./tr.)	ʕstakar/sakir	Dt	D	A
11	turn (intr./tr.)	apak	G	G	L
12	dissolve (intr./tr.)	pšar/pašir	G	D	C
13	burn (intr./tr.)	ʕqad/qła	G	G	S
14	be destroyed/destroy	ʕthambal/hambil	Dt	D	A
15	fill (intr./tr.)	mła	G	G	L
16	finish (intr./tr.)	šlim/šalim	G	D	C
17	begin (intr./tr.)	šari	D	D	L
18	spread (intr./tr.)	ʕzdra/zra	Gt	G	A
19	roll (intr./tr.)	ʕtargil/galil	Qt	D	S
20	develop (intr./tr.)	-	-	-	-
21	get lost/lose	abad/?	G	D?	C
22	rise/raise	qam/qaiim	G	D	C
23	improve (intr./tr.)	špar/taqin	G	D	S
24	rock (intr./tr.)	nad/anid	G	K	C
25	connect (intr./tr.)	-	-	-	-
26	change (intr./tr.)	šna/šania	G	D	C
27	gather (intr./tr.)	knap	G	G	L
28	open (intr./tr.)	ʕtphat/pta, ptah, phat	Gt	G	A
29	break (intr./tr.)	ʕtbar/tbar	Gt	G	A
30	close (intr./tr.)	ahid/ahad	Gpas s	G	A
31	split (intr./tr.)	ʕeštra/šra	Gt	G	A

Таблица 18. Каузативно-инхоативные пары в христианском палестинском

№ (на шкале)	Значение	Глагол	Иhx.	Кауз.	Тип
1	boil (intr./tr.)	-	-	-	-
2	freeze (intr./tr.)	qtr/-	G	-	?
3	dry (intr./tr.)	ybš/ybš	G	D	C
4	wake up (intr./tr.)	ʔtʕyr/ʔʕyr	Gt	K	E
5	die/kill	myt/qtl	G	G	S
6	go out/put out	ʔpy/ʔpy	G	D	C
7	sink (intr./tr.)	ʔmʕ/ʔmʕ	G	D	C
8	learn/teach	yʔp/ʔʔp	G	D	C
9	melt (intr./tr.)	šwḥ/ʔšwḥ	G	K	C
10	stop (intr./tr.)	šly	G	G	L
11	turn (intr./tr.)	ʔthpk/hpk	Gt	G	A
12	dissolve (intr./tr.)	šwḥ/ʔšwḥ	G	K	C
13	burn (intr./tr.)	yqd	G	K	C
14	be destroyed/destroy	ʔbyd/ʔybd	Gpass	K	E
15	fill (intr./tr.)	ʔtmly/mly	Gt	G	A
16	finish (intr./tr.)	šlm/šlm	G	D	C
17	begin (intr./tr.)	šrt	D	D	L
18	spread (intr./tr.)	ʔtbdʔ/bdʔ	Dt	D	A
19	roll (intr./tr.)	-	-	-	-
20	develop (intr./tr.)	-	-	-	-
21	get lost/lose	ʔbd/ʔwbd	G	K	C
22	rise/raise	qwm/ʔqm	G	K	C
23	improve (intr./tr.)	ʔttqn/ʔtqn	Kt	K	A
24	rock (intr./tr.)	zʕzʕ/ʔzdʕzʕ	Q	Qt	A
25	connect (intr./tr.)	-	-	-	-
26	change (intr./tr.)	ʔthlp/hlp	Dt	D	A
27	gather (intr./tr.)	ʔtknš/knš	Dt	D	A
28	open (intr./tr.)	ʔpth/pth	Gt	G	A
29	break (intr./tr.)	ʔtbr/tbr	Gt	G	A
30	close (intr./tr.)	ʔḥad/ʔḥad	Gt	G	A
31	split (intr./tr.)	ʔtbzʕ/bzʕ	Gt	G	A

Таблица 19. Каузативно-инхоативные пары в христианском урмийском

№ (на шкале)	Значение	Глагол	Иhx.	Кауз.	Тип
1	boil (intr./tr.)	+rdəxlə/ +murdəxlə	G	K	C
2	freeze (intr./tr.)	mugdəllə (intr./tr.)	K	K	L
3	dry (intr./tr.)	brəzlə/mubrəzlə	G	K	C
4	wake up (intr./tr.)	+rəšlə/+murrəšlə	G	K	C
5	die/kill	mətlə/+kʰəllə	G	G	S
6	go out/put out	cməllə/mucməllə	G	K	C
7	sink (intr./tr.)	+ʔbilə/ +mutʔbilə	G	K	C
8	learn/teach	ləplə/muləplə	G	K	C
9	melt (intr./tr.)	pšərrə/pušərrə&mupšərrə	G	D/K	C
10	stop (intr./tr.)	clələ/muclilə	G	K	C
11	turn (intr./tr.)	ptəllə/muptəllə	G	K	C
12	dissolve (intr./tr.)	pšərrə/pušərrə&mupšərrə	G	D/K	C
13	burn (intr./tr.)	kədlə/mukədlə	G	K	C
14	be destroyed/destroy	tləxlə (intr./tr.)	G	G	L
15	fill (intr./tr.)	mlilə (intr./tr.)	G	G	L
16	finish (intr./tr.)	prəklə/purəklə	G	D	C
17	begin (intr./tr.)	+šurilə (intr./tr.)	D	D	L
18	spread (intr./tr.)	-	-	-	-
19	roll (intr./tr.)	cundərrə (intr./tr.)	Q	Q	L
20	develop (intr./tr.)	-	-	-	-
21	get lost/lose	tləklə/tuləklə	G	D	C
22	rise/raise	+rəmlə/ +murəmlə	G	K	C
23	improve (intr./tr.)	-	-	-	-
24	rock (intr./tr.)	+durvədlə (intr./tr.)	Q	Q	L
25	connect (intr./tr.)	-	-	-	-
26	change (intr./tr.)	xləplə/muxləplə	G	K	C
27	gather (intr./tr.)	+ğmilə/ +ğummilə	G	D	C
28	open (intr./tr.)	ptəxlə (intr./tr.)	G	G	L
29	break (intr./tr.)	+šməʔlə (intr./tr.)	G	G	L
30	close (intr./tr.)	dvərle (intr./tr.)	G	G	L
31	split (intr./tr.)	+çləplə (intr./tr.)	G	G	L

Таблица 20. Каузативно-инхоативные пары в туройо

№ (на шкале)	Значение	Глагол	Иhx.	Каз.	Тип
1	boil (intr./tr.)	ratəḥ/martəḥle	G	K	C
2	freeze (intr./tr.)	galəḍ/-	G	-	?
3	dry (intr./tr.)	našəf/mnašafle	G	D	C
4	wake up (intr./tr.)	maḥəsle	K	K	L
5	die/kill	mayəṭ/qṭile	G	G	S
6	go out/put out	ṭafi/matṭefe	G	K	C
7	sink (intr./tr.)	ḡayər/maḡəlle	G	K	C
8	learn/teach	yaləf/mawlafle	G	K	C
9	melt (intr./tr.)	fašər/mfašalle	G	D	C
10	stop (intr./tr.)	kali/maklele	G	K	C
11	turn (intr./tr.)	qaləb/maqlable	G	K	C
12	dissolve (intr./tr.)	mfašər/mfašalle	D(intr)	D(tr)	E
13	burn (intr./tr.)	yaqəḍ/mawqəḍ	G	K	C
14	be destroyed/destroy	ḥaru/maḥrawle	G	K	C
15	fill (intr./tr.)	mle/mlele	G(intr)	G(tr)	E
16	finish (intr./tr.)	tayəm/matəmle	G	K	C
17	begin (intr./tr.)	bdele	G	G	L
18	spread (intr./tr.)	friš/frəšle	G(intr)	G(tr)	E
19	roll (intr./tr.)	mgandalle	G	-	?
20	develop (intr./tr.)	maqbele/?	K	-	?
21	get lost/lose	mšakər/mšakalle	D(intr)	D(tr)	E
22	rise/raise	qayəm/maqəmle	G	K	C
23	improve (intr./tr.)	mšadəl/mšadele	D(intr)	D(tr)	E
24	rock (intr./tr.)	hiz/həzle	G(intr)	G(tr)	E
25	connect (intr./tr.)	rbəṭle/mrabaṭle	G	D	C
26	change (intr./tr.)	mḡayər/mḡayalle	D(intr)	D(tr)	E
27	gather (intr./tr.)	latəm/maltamle	G	K	C
28	open (intr./tr.)	ftiḥ/ftəḥle	G(intr)	G(tr)	E
29	break (intr./tr.)	twir/twəlle	G(intr)	G(tr)	E
30	close (intr./tr.)	sxir/sxəlle	G(intr)	G(tr)	E
31	split (intr./tr.)	?/šṭəfle	-	G	?

Таблица 21. Каузативно-инхоативные пары в новомандейском

№ (на шкале)	Значение	Глагол	Иhx.	Кауз.	Тип
1	boil (intr./tr.)	eṭpā/tāpī	Gt	G	A
2	freeze (intr./tr.)	jəmad/-	G	-	?
3	dry (intr./tr.)	y-b-š/-	G	-	?
4	wake up (intr./tr.)	ettar/atre	Kt	K	A
5	die/kill	met/gəṭal	G	G	S
6	go out/put out	d-ʔ-k/d-ʔ-k	Dt	D	A
7	sink (intr./tr.)	-	-	-	-
8	learn/teach	yələp/allep	G	K	C
9	melt (intr./tr.)	m(y)en hwy/m(y)en ʔbd	G	G	S
10	stop (intr./tr.)	bəgeš/b-ḡ-š	G	K	C
11	turn (intr./tr.)	kammar/kamar	Dt	D	A
12	dissolve (intr./tr.)	-	-	-	-
13	burn (intr./tr.)	qla/asreḳ	G	K	S
14	be destroyed/destroy	həreb/ahreb	G	K	C
15	fill (intr./tr.)	m-l-w/y	G	G	L
16	finish (intr./tr.)	tamām t-m-m/tamām ʔ-b-d	G	G	S
17	begin (intr./tr.)	qam	G	G	L
18	spread (intr./tr.)	-	-	-	-
19	roll (intr./tr.)	-	-	-	-
20	develop (intr./tr.)	-	-	-	-
21	get lost/lose	wel t-m-m/?	G	?	?
22	rise/raise	qam/aqqem	G	K	C
23	improve (intr./tr.)	-	-	-	-
24	rock (intr./tr.)	nədā/andi	G	K	C
25	connect (intr./tr.)	-	-	-	-
26	change (intr./tr.)	-	-	-	-
27	gather (intr./tr.)	r-g-b	D	D	L
28	open (intr./tr.)	-/ šeryi	-	G	?
29	break (intr./tr.)	eṭber/təḅar	Gt	G	A
30	close (intr./tr.)	-	-	-	-
31	split (intr./tr.)	ebzā/b-z-y	Gt	G	A

Таблица 22. Каузативно-инхоативные пары в языке Маалулы

№ (на шкале)	Значение	Глагол	Иhx.	Кауз.	Тип
1	boil (intr./tr.)	ağəl	K	K	L
2	freeze (intr./tr.)	ğalled/ažmet	D	K	S
3	dry (intr./tr.)	inkeb/nakkeb	G	D	C
4	wake up (intr./tr.)	arkeš	K	K	L
5	die/kill	amet/iq̄tal	G	G	S
6	go out/put out	iṭəf/ṭaff	G	D	C
7	sink (intr./tr.)	iğreḳ	G	D	C
8	learn/teach	ilef/aylef	G	K	C
9	melt (intr./tr.)	aḍab/ḍawweb	G	D	C
10	stop (intr./tr.)	awḳef/waḳḳef	K	D	E
11	turn (intr./tr.)	ōter	K	K	L
12	dissolve (intr./tr.)	aḍab/inḳaṣ	G	G	S
13	burn (intr./tr.)	xarraḥ	D	D	L
14	be destroyed/destroy	iḥreb/iḥrab	G	G	E
15	fill (intr./tr.)	ṣapp	D	D	L
16	finish (intr./tr.)	iḥsel/ḥassel	G	D	C
17	begin (intr./tr.)	abət	K	K	L
18	spread (intr./tr.)	ifrat	G	G	L
19	roll (intr./tr.)	tahkel	G	G	L
20	develop (intr./tr.)	čṭawwar/?	D	-	?
21	get lost/lose	aḍaṣ/ḍawwaṣ	G	D	C
22	rise/raise	irčfaṣ/irfaṣ	VIII	G	A
23	improve (intr./tr.)	-/ṣaḥḥeḥ	-	D	?
24	rock (intr./tr.)	ahaz	G	G	L
25	connect (intr./tr.)	iḳter/iḳtar	G	G	E
26	change (intr./tr.)	čğayyar/ğayyar	Dt	D	A
27	gather (intr./tr.)	alam	G	G	L
28	open (intr./tr.)	iftaḥ	G	G	L
29	break (intr./tr.)	ičber/ičbar	G	G	E
30	close (intr./tr.)	iṭbaḳ	G	G	L
31	split (intr./tr.)	ičleḥ/ičlaḥ	G	G	E

Приложение 3

Таблица 23. Распределение типов кодирования каузативно-инхоативных оппозиций в арамейских языках в зависимости от семантики глагола

№	Значение	C	A	L	E	S	summ
1	boil (intr./tr.)	4	1	1	0	0	6
2	freeze (intr./tr.)	1	0	2	1	1	5
3	dry (intr./tr.)	6	0	0	0	0	6
4	wake up (intr./tr.)	1	2	2	1	1	7
5	die/kill	0	0	0	0	8	8
6	go out/put out	6	1	0	0	0	7
7	sink (intr./tr.)	6	0	0	0	0	6
8	learn/teach	7	0	0	0	0	7
9	melt (intr./tr.)	6	0	0	0	1	7
10	stop (intr./tr.)	3	1	2	1	0	7
11	turn (intr./tr.)	2	2	2	1	0	7
12	dissolve (intr./tr.)	4	0	0	1	1	6
13	burn (intr./tr.)	5	0	1	0	2	8
14	be destroyed/destroy	2	3	1	2	0	8
15	fill (intr./tr.)	0	1	6	1	0	8
16	finish (intr./tr.)	6	0	0	0	1	7
17	begin (intr./tr.)	0	0	7	0	0	7
18	spread (intr./tr.)	0	2	2	1	0	5
19	roll (intr./tr.)	0	1	2	0	1	4
20	develop (intr./tr.)	0	0	0	0	0	0
21	get lost/lose	6	0	0	1	0	7
22	rise/raise	6	2	0	0	0	8
23	improve (intr./tr.)	1	1	0	1	1	4
24	rock (intr./tr.)	3	1	2	1	0	7
25	connect (intr./tr.)	1	0	0	1	0	2
26	change (intr./tr.)	2	4	0	1	0	7
27	gather (intr./tr.)	2	3	3	0	0	8
28	open (intr./tr.)	0	3	3	1	0	7
29	break (intr./tr.)	0	4	1	1	0	6
30	close (intr./tr.)	0	3	3	1	0	7
31	split (intr./tr.)	0	4	1	1	0	6
		80	39	41	18	17	195